

ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

5

ПО СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

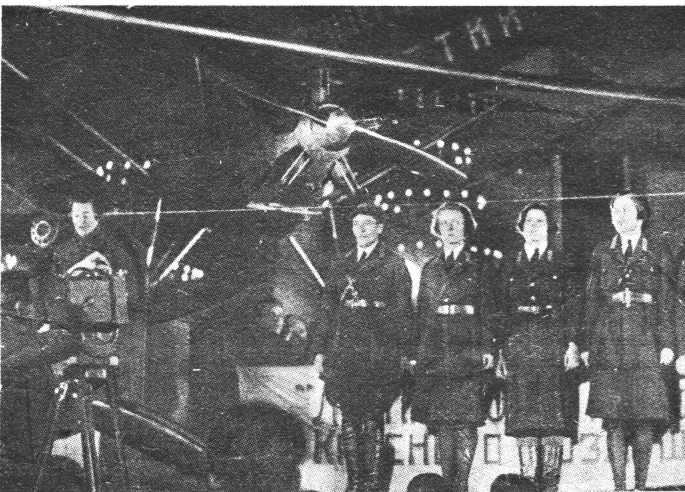
Комсомол — шеф воздушного флота

Советская авиация получила шефа. Это — славный ленинский комсомол, уже шефствующий над электрификацией, этим любимым детищем Ильича, и над героическим Красным флотом. Электрификация, которой суждено встряхнуть наш косный керосиново-лучинный быт, учеба среди штормов и ураганов советских морей и рокот моторов самолета — вот куда устремлены теперь воля и энергия ленинского краснознаменного комсомола.

Торжественному принятию шефства комсомола над советским воздушным флотом было посвящено одно из заседаний закончившегося недавно IX Всесоюзного съезда ВЛКСМ. С приветственной речью выступил предсовнаркома СССР т. Молотов. От имени красного воздушного флота съезду рапортовала комсомольская и женская летные группы.

На снимке: А. Косарев — ген. секретарь ЦК ВЛКСМ в форме военного летчика и предсовнаркома СССР тов. Молотов.

Женская летная группа на трибуне съезда

Пятилетка северных аэролиний

Естественные богатства Севера с трудом включаются в социалистическую стройку. Виною этому — чрезвычайно плохо развитые пути сообщения.

Первым этапом на пути решения проблемы транспорта

на советском севере является прокладка регулярных воздушных путей. Это мероприятие конечно не разрешит транспортной проблемы, но все же оно окажет известный эффект в смысле налаживания связи между отдельными районами.

Самолеты проектируемых воздушных путей явятся пионерами индустриализации богатых и обширных территорий Северного края.

Пятилетний план развития воздушной связи на Севере, разработанный акционерным обществом „Добролет“, был рассмотрен Комитетом Севера.

В Северном крае план развития воздушных сообщений предусматривает установление связи с административными центрами, отделенными от Архангельска большим бездорожным пространством. Чрезвычайно большое значение имеет северная линия — на Тельвисочное и Усть-Печору. Тельвисочное является в настоящее время центром недавно созданного Ненецкого (Самоедского) округа, двинувшегося быстрыми шагами по пути своего культурного и хозяйственного развития.

В устье Печоры к концу пятилетки должен вырасти большой порт, разрешающий до известной степени проблему выхода богатых лесных массивов Северного края на внешний рынок.

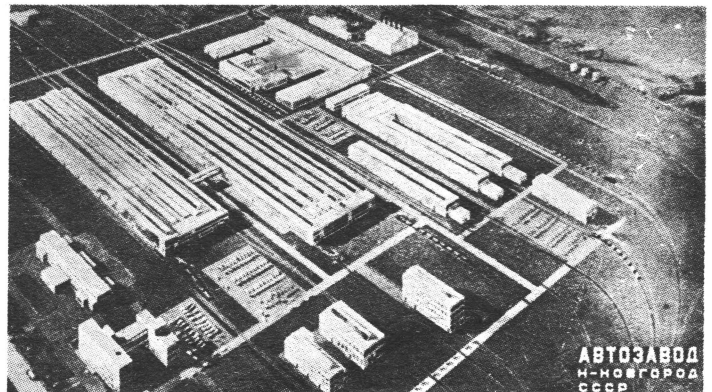
Вторая — южная — линия берет направление от Обдорска на второй районный центр Северного Урала — Березов связывая его, а также и промежуточные пункты — (Полноват и Кондинское) с Тобольском, окружным центром, и Уральском.

Экспортная земля

Возвратилась с Кольского полуострова экспедиция Мурманской железной дороги, обследовавшая открытые летом прошлого года месторождения инфузурной земли в Ловозерской тундре, в 100 километрах от линии железной дороги.

Инфузорная земля расценивается на германском рынке около 70 рублей золотом за тонну; таким образом, по приблизительным подсчетам, стоимость открытых месторождений оценивается примерно в 100 миллионов рублей золотом. Помимо этого инфузурная земля ценна для строительных работ на Севере, так как она с успехом заменяет вяжущие средства — цемент и известь.

Применение инфузурной земли чрезвычайно разносторонне. Ее употребляют для полировки стекла, дерева и металлов, при изготовлении красок, динамита, искусственных самоцветов и масел для огнеупорных тиглей.

Новый порт в Сибири

В Москву вернулась с побережья Полярного моря специальная экспедиция НКПС, которая изучала на месте вопрос о постройке глубоководного порта в бухте р. Индиго, впадающей в Чешскую губу у моря Баренца.

Мурманск — наш единственный незамерзающий порт на полярном побережье — слишком удален от таких промышленных центров, как Урал и Западная Сибирь. Вывоз через Мурманск продукции Урала (металлические изделия) и Западной Сибири (хлеб и лес) обходится крайне дорого.

Бухта реки Индиго имеет перед Мурманском неоспоримое преимущество. Соединенная подъездным путем с транссибирской магистралью, она окажется на полторы тысячи километров ближе Мурманска к Уралу и Западной Сибири.

Мало того, как известно, в районе реки Печоры профессором А. Черновым были открыты огромные залежи каменного угля, превышающие запасы Донецкого бассейна.

При соединении Печоры с Индиго этот уголь может быть дешево транспортирован на полярное побережье, где заменит Донецкий (экономию на перевозках) или английский уголь. Снабжение полярного побережья печорским углем безусловно создает мощный стимул к развитию здесь рыбной промышленности, к оживлению и колонизации всего края.

Нельзя забыть также о богатейших лесных массивах бассейна Печоры и запасах нефти, недавно обнаруженных на этой территории.

Сейчас на побережье Полярного моря для производства буровых работ, изучения метеорологических условий и наблюдения за движением льдов осталась часть экспедиции в количестве 22 человек. Поднят вопрос об организации наблюдения за льдами при помощи аэропланов и специальных судов.

СССР на автомобилях

В САСШ один автомобиль приходится на 31/2 жителя. Всю Америку, если это понадобится,

можно посадить на автомобили. Если это понадобится, 100 миллионов человек могут одновременно двинуться в путь на 28 миллионах машин.

Скоро мы весь СССР посадим на автомобили. Строящийся в Нижнем-Новгороде автомобильный гигант является краеугольным камнем в здании моторизации страны. Завод будет выпускать 150 000 тысяч автомобилей в год. Но это — ориентировочная и во всяком случае минимальная цифра. По мере стройки, производственная программа завода беспрерывно увеличивается.

На фото — макет завода.

Москва — порт

В 1934 году Москва станет портовым городом. Системой гигантских плотин будет запружена Москва-река, и у гаваней станут на якорях мощные грузовые и пассажирские пароходы. Отсюда они повезут на Волгу сотни тысяч тонн грузов и армии пассажиров, разгрузив железную дорогу.

Грузовые потоки польются к Волге и обратно двумя путями. Первый — старый путь — по Москва-реке через Оку. Второй — новый — по Москва-реке через Клязьму. Идиллически-спокойная, поросшая осокой речушка, превратится в большой оживленный водный путь.

Такова сущность конкретного проекта, разработанного Московским Облпланом и НКПС.

ЧЕРНАЯ ГРИВА

Продолжение рассказа АЛ. СМЕРНОВА-СИБИРСКОГО

Рисунки П. СТАРОНОСОВА

Беличий поход

Сбросив с плеч мешки, Егор и Кирилл уселись на корягу.

День близился к концу. На западе, над темной грядой лесистых хребтов кроваво-рдели пронизанные солнцем белые облака. Над болотом, распластав крылья, кружился ястреб. Высмотрев что-то среди кочек, он камнем ринулся вниз, а когда взмыл снова, в когтях у него билось, стараясь освободиться, что-то темное, живое. Тяжело махая крыльями, пернатый охотник направился к лесу и хотел было устроиться на суку сухой лиственницы, чтобы заняться трапезой, но, заметив людей, отказался от этого намерения. Круто метнувшись вверх, он вернулся к болоту, и минуту спустя затерялся где-то вдали.

— Вот и с добычей,—проследив полет птицы,—проговорил Кирилл.—А где мы найдем свою?—повернулся он к товарищу.

Тот ответил не сразу. Переложив на другое колено ружье, достал из кармана кисет, неторопливо скрутил папиросу и, задыхаясь, внимательно посмотрел вокруг.

— Не иначе, как придется подаваться за Аян,—сказал он.

— За Аян!—передернул плечами Кирилл.—Туда в прошлогодне ходили. По сотне на ружье, а разве это добыча?

«Тебе с твоим старым хрычом и этого давать не надо бы, тунгусы за самогон больше принесут», подумал Егор, но вслух сказал:

— Добыча не добыча, а рассчитывать на большее в этом году кажется не приходится. Что мы видели за два дня?

— Пять или шесть гойн.

— Шесть. Если бы тут была белка, гойны торчали бы на каждом дереве. Нет, теперь пожалуй и за сотню спасибо скажешь.

— И куда только девается зверь? Белки год от году становятся меньше...

— Чорт лешему все в карты проиграл,—показал белые зубы Егор.—А мы мало ее переводим? Ты сотню, я сотню... Однако стой,—вдруг оборвал он, взглянув на собаку,—чего это она?

Лайка что-то почуяла. Поднявшись с земли, она сторожко поставила короткие уши и, втягивая носом воздух, стала зорко осматриваться по сторонам. Поставив так и вся напружинившись, осторожно двинулась вдоль опушки. Ткнулась к одному дереву, к другому и вдруг застыла с поднятой кверху мордой, кося глазами в сторону охотников: на голой лиственнице, распушив хвосты, беззаботно прыгали три белки.

— Легки на помине,—кивнул на зверков Кирилл и потянулся рукой к ружью.

— Оставь,—остановил его Егор.—Рано еще, линияют. Да тут их целый табун, смотри...

Охотникам достаточно приходилось иметь дело с этими маленькими зверками—предметом их постоянных вожделений, но то, что они увидели тут, за-

ставило их широко открыть глаза. Ближайшие деревья, словно виноградник осенью, были сверху донизу унизаны пушистыми гроздьями. Это были белки, появившиеся из леса точно по волшебству. Перепрыгивая с ветки на ветку, они заполнили всю опушку. Собака растерялась: громко лая, она бестолково металась между деревьями и вдруг останавливалась, не зная, что предпринять. Откуда это? Ей никогда не приходилось сталкиваться с таким обилием дичи.

А количество зверков продолжало увеличиваться, словно их горстями выбрасывала из леса какая-то невидимая рука. Скоро на деревьях не стало уже хватать места. Тогда белки стали спрыгивать на землю, не обращая ни малейшего внимания ни на собаку, ни на людей. Пугливые и осторожные в обычное время, теперь они приближались к своим извечным врагам на расстояние вытянутой руки. Похоже было на то, что все это не было простой случайностью. У маленьких зверков была какая-то определенная цель, владевшая ими настолько, что все остальное для них перестало существовать.

Несомненно это так и было. Зверки на опушке не задерживались, они шли вперед. Это был один из тех великих походов, которые белки, как и все грызуны, собираясь в тысячные стаи, предпринимали время от времени в поисках мест, богатых кормом.

Наблюдая редкое зрелище, охотники не двигались, но собаке надоело оставаться в бездействии. Придя в себя, она яростно стала бросаться на скакавших по земле зверков. Белки ловко увертывались от ее зубов и сплошным рыжебурым потоком, как лава при извержении, неуклонно двигались все вперед и вперед. Выливаясь из леса, они шли на болото. Грациозно подскакивали, прыгали с кочки на коч-

ку, пушистыми гирляндами повисали на сухостойных лиственницах. И так их прошла не одна тысяча. Но вот ряды беличьей армии стали редеть, проскакал арьергард—стая старых белок штук в сто, а затем все прекратилось. Зверки исчезли так же быстро, как и появились.

Солнце вырвалось из-за облаков, прошло с дозором по опушке, ощупало болото и, точно не желая скатываться за горы, уцепилось золотыми лучами за верхушки сосен.

— Вот так штука,—первым заговорил Кирилл, блестя глазами.—Как с неба посыпались.

— Они остановятся там,—ткнул Егор рукой в поднимавшийся за болотом темный увал.

Охотники долго еще смотрели в ту сторону, где скрылись четвероногие путешественники, а затем взялись за мешки. Лайка с унылым видом поплелась за ними. В чем тут причина? Она никак не могла осмыслить происшедшего: столько было дичи, а между тем ее хозяин не сделал ни одного выстрела. Это было выше ее понимания.

Когда вошли в лес, Егор сказал:

— Вот и с добычей теперь будем.

— Это ты о Черной Гриве?—спросил его спутник.

— Дальше белки не пойдут.

— А как ты туда попадешь? Топь.

— С заморозками окрепнет.

— Да ты никак в самом деле туда собираешься?—удивленно вскинул глаза Кирилл.

— А что же такое? Такой случай бывает раз в сто лет. Сот пять на ружье можно взять.

— Так-то оно так, а страх-то какой...

Егор приостановился и с презрительной усмешкой посмотрел на спутника.

— А ты видел когда-нибудь этот страх?

Белки стали спрыгивать на землю, не обращая внимания ни на собаку, ни на людей

— Видать не видал, а рассказывают же,—пробормотал Кирилл.

— Рассказывают, рассказывают... Если слушать все, что рассказывают бабы да старики, так пожалуй и в лес ходить не стоит...

Егор поднял сухой сук, переломил его на две части и, швырнув концы в разные стороны, коротко отрезал:

— Ты как хочешь, а я на Черную Гриву пойду, что бы про нее ни рассказывали...

И быстро зашагал вперед.

небылиц. А заканчивал он рассказ обычно такими словами:

— Отсюда и название—Черная Грива. Остров всегда черный, когда ни смотри. Конский волос кедром пошел. Одолела трясина скакуна, а только не совсем—конь и поныне живой. Дышит в тине. Посмотри когда на трясину—увидишь: плюется она грязью. И зимой не везде замерзает. Это от коня, а только близко к нему не суйся. Не любит, когда могилу его тревожат...

И точно: заказан был охотникам путь

... А зверь по-человечьи смеется: „Так вот—получи!“

Были и небылицы

А рассказывали про Черную Гриву много. С Аян-горы в ясную погоду это место было видно хорошо: болота среди тайги, как лысина среди волос, а в центре болот—темная горбина. На дальнем конце горбины-острова две острых скалы, но если всмотреться внимательнее, сходство получается полное: остров—это крутая холка горячего скакуна, а скалы—его уши.

— Давно это было. Скакал по лесу конь, ростом выше столетней сосны. Наскакал на хойтку и не захотел свернуть. Горы брал, через реки перепрыгивал, а тут вдруг отступить перед каким-то болотом. Взвился вороной скакун и пошел чесать. Скачет, только ветер свистит, донсятся на солнце взмыленные бока. Месит горячий скакун липкую тину. Сначала она доходила ему лишь до колен, потом к брюху стала подбираться, а как вышел на середину болота, так и крестца не стало видать. Одуматься надо бы, назад повернуть, да не хочет сдаваться горячий конь. Скачет. Из ноздрей клубами пар идет, все болото облаками покрыл, а дыхание у коня, что твой ураган: дохнет—и деревья валятся. Сошлись две силы: одна живая, горячая—конь исполинский, другая мертвая—липкая тина; какая верх возьмет? Победил бы конь, беспременно победил бы, потому живое всегда сильнее мертвого, да уж очень напорист был, не хотел с прямого пути свернуть. Ногам уже опереться не на что, по шее бульхается, а все не хочет сдаваться. Наконец стал ослабевать. Видит: жадно вцепилась в него тина проклятая. Заржал тогда скакун вороной, словно на помощь призывая кого, да тиной и подавился. Нового скачка уже сделать не мог, потащила его вниз трясина жадная, но всего поглотить не могла. И остались над болотом шея крутая, гривой поросшая, да уши торчком...

Так, уснащая свою речь рассуждениями о живой и мертвой силе, рассказывает о происхождении болотного острова дед Капитон—хранитель таежных былей и

на Черную Гриву. Были смельчаки: Ни-кишка-заячья-губа, да лохматый Селиван, бесстрашный медвежатник. Пошли они и Черную Гриву вдвоем, а назад ни один не вернулся. После них пытался еще Никанор, но этому пришлось вернуться, далеко не доходя до запретного места. Встретил на первом болоте медведя. Выстрелил охотник, соблазнившись добычей, а зверь-то заряд ему и вернул. Ружье разорвалось. Взыл человек от боли, а медведь стоит, загородив дорогу и... смеется, по-человечьи смеется: «На Черную Гриву собрался? Так вот получи!»... В деревню Никанор прибежал с культяпкой вместо левой руки и без ума. Рехнулся парень от такого случая.

Или вот еще Силантий, божий старичок. Заночевал как-то на краю болота в виду болотного острова. Развел костер, навесил котелок и сидит, попыхивая трубкой. Вдали небо от заката железным листом краснеет, над болотом белый саван тумана, а рядом окно водяное—след от копыта вороного скакуна. Вода в трясине черная, как сажа. Смотрит Силантий на воду и диву дается: колышется омут, будто на дне ворочается кто. Водяной, нечистая сила!.. Закрестился старик—волнение больше; богородицу зачал—по воде пошли пузыри; а как добрался до псалма царя Давыда—тут-то и грохнуло. Из омута поднялся столб воды и грязи. Сорвался от костра старик и бросился бежать, а пока бежал и молитвы все забыл, потом снова пришлось заучивать—вот как брыкнулся вороной скакун.

Грозилась Черная Грива, страшно грозилась и не ходили туда таежные охотники. Что делалось на самом острове—этого никто не знал, но окрестные хойтки кишели разной живностью. Весной, лишь только появились первые проталины, по окраинам мшистых болот захлебывались в любовном токовании краснобровые косачи; хрюкали, как молодые поросята, длинноногие вальдшнепы, а по косматым соснам, изнывая от страсти, бурно шипели и цокали глухари. Потом прилетали на болота утки, гуси, лебеди. Их было тут тысячи. Прячась в недо-

ступных топях, они гнездились, линяли, жирели, а когда на траву падал первый иней, собирались в стаи и улетали до новой весны. На смену уткам и гусям приходили сохатые. Мерили голенастыми длинными ногами нехоженые места, прокладывая в снегу глубокие межи.

Но для охотников все это пропадало зря. Помня случай с Никанором, не трогали дичь в болотах, окружавших Черную Гриву. Нечистое место! Выстрелишь, ан заряд к тебе и вернется.

— Пускай зверь и птица гуляют там... Для нас дичи и в тайге хватит...

Изба Егора стояла на самом краю деревни, где поляна, отвоеванная у тайги, упиралась в стену густого ельника. Осенняя слякоть еще не успела вычернить свежесрубленное дерево: сруб белым пятном выделялся на зеленом фоне. Егор отстроился два года назад, когда сгорела старая изба. Жил одиноко. Отца медведь на охоте сломал, мать умерла от старости, а к женитьбе что-то не тянуло. Поэтому советовать о задуманном было не с кем. Но не так обстояло дело у Кирилла.

Иван Петрович, отец Кирилла, сухонький старичок с иконописным лицом, жил в доме с палисадником—первый дом в деревне. До революции Иван Петрович занимался торговлей, теперь сын промышлял охотой, но жили не в пример прочим попрежнему крепко. Другие едва-едва сводили концы с концами (известно, зверовой промысел год от году падает), зато у Ивана Петровича никогда недостатка ни в чем не было. «Неужели так много торговлей накопил?»—удивлялись охотники. Некоторые спрашивали:

— С чего живешь, Петрович?

— С трудов, ребятушки, с трудов,— неизменно отвечал он.

С трудов?.. Какие такие трудов? Не видно их было. Дело однако скоро выяснилось. В деревню что-то повадились тунгусы ходить и все к Ивану Петровичу. Зачем? Просто в гости. Это за двести-то верст? Ну нет, тут пахло чем-то другим. Стали примечать. Так и есть: самогоном Петрович поторговывал. И как хитро: однокоренникам ни капли, развозил еще. Да и что со своего охотника возьмешь? Белку за бутылку, а тунгус не пожалеет и соболя. Хитро, хитро, а только раз чуть было не сорвалось. Нашли зимой охотники недалеко от деревни мертвого тунгуса: возвращаясь от Петровича, парень не вытерпел, выпил весь самогон и замерз. Началось следствие, но предупредил ли кто, или у Петровича был какой особый тайник, однако никаких прямых улик найдено не было: ни самогона ни аппарата. Вывернулся Петрович.

И опять стал снабжать тунгусов зелием, а где его гнал, неизвестно. Впрочем может быть кто и знал, да молчал. Одолжался кое-кто у Петровича то пудом муки, то банкой пороха при нехватке. Ну и покрывали, боясь лишиться «благодетеля». Так и оставалось это тайной.

После того, как Егор пристыдил в лесу Кирилла, тот решил также итти за белками на Черную Гриву. Про Кирилла говорили, что парень он с дурой, что ни скажи—все ладно, но тут у него хватило ума, чтобы посоветоваться об этом деле с отцом. Узнав о намерении Егора итти в запретное место, старик нахмурился.

— Ах, голодранец паршивый!—выругался он.

У Петровича были свои причины выругать при удобном случае Егора. В деревне поговаривали о каком-то раску-

лацивании, и первый голос в этих разговорах принадлежал Егору. В чем должна была заключаться новая выдумка коммунистов, пока точно никто не знал (новости в таежную деревню приходили через год) но старик чувствовал себя не очень спокойно.

— Ячейщик окаанный,—еще раз отвел душу Петрович, глядя куда-то мимо сына.

— А как мне,—спросил сын,—итти с Егоркой? Он говорит—сот по пяти на ружье возьмем.

— Очень просто. Место глухое, для зверя привольное...—старик посчитал на потолке доски, пожевал во рту бороду и неуверенно, словно думая о другом, добавил:—Чтож, если не боишься, иди...

Кирилл стал готовиться: два раза прочистил ружье, нарубил на кусочки свиноец, на штанину пришил новую заплату. Собираясь к чорту на рога, но теперь Кириллке не было страшно. Помимо него с Егоркой на Черную Гриву шли Федорка и Петрован—оба ячейщики, жоховые ребята. Выступать порешили в следующее воскресенье, а в пятницу Петрович растолкал среди ночи сына и сказал:

— Ты вот что, завтра поднимайся пораньше. Пойдешь на лодке в Каменку, мука вся...

Каменка была расположена вниз по Чадобцу, при устье. Туда и обратно—это дней десять.

— А как же Черная Грива?—удивился Кириушка.—После завтра ребята идут.

— Ну и пусть идут, может шеи себе и сломают,—рассердился вдруг старик.

— Ты же говорил...—начал было тот, но отец оборвал:

— Слушай то, что теперь тебе говорят. «Говорил, говорил...» Ничего я тебе не говорил...

— Сот по пяти...

— Дурак,—коротко отрезал старик и, мешая святых угодников с матюками, пошел на печку.

Искатели новых троп

С вечера небо хмурилось. По Чадобцу, перебирая прибрежные кусты, тянула низовка, а гуси летели над самым лесом, почти касаясь верхушек белыми крыльями. Опасались дождя, но когда Егор открыл глаза, стекла в окошке пламени, как раскаленной железки. Из-за леса смеялось проснувшееся солнце.

Пора собираться. До болот было километров пятнадцать, да там пять—при удаче можно одолеть в один день, если не задерживаться с выходом. Впрочем задерживаться было нечего: ружье, бродни, мешок с припасами—все это было давно готово. Собрались быстро. Закинули за плечи мешки, взяли в руки ружья, свистнули собак и, не мешкая, двинулись.

В крутых берегах белым молоком курился Чадобец. Под обрывом, шлепая вальками, девки полоскали белье. Одна из них, зазноба Петрована, звонко крикнула:

— Взяли бы и меня-я-я.

— Без тебя обойдемся,—ответил Петрован.

— Лисицу черную мне на шубу принеси.

— Ладно... Блинов напеки к нашему приходу...

Вступив в лес, нагнали двух охотников с вьючной лошастью. Эти шли на промысел за Аян, к реке Катанге. Опять в сельсовет придут тунгусы: «Вот,—будут жаловаться они,—пришел в нашу тайгу русский Иван со своими собаками и разогнал у нас всех оленей... Не вели,

начальник, собакам Ивана наших оленей гонять», так обычно заканчивали лесные люди свои жалобы на русских охотников.

Пока шли вместе. Лесная тропа разматывалась, как нитка из клубка. Путалась в буреломе, боязливо обегала мочжины. Солнце скупо цедило свет через хвою. На взгорьях, у подножий сосен, пушистыми коврами стлались седые мхи. В зарослях ельника призывно пересвистывались рябчики. Добыв трех птиц, охотники разложили на поляне костер и пополднивали. Пройдя еще немного, решили расходиться.

— Ну, ну, ребятки, попытайте Черную Гриву, какая она такая есть,—сказал один из уходивших за Аян,—а то уж очень много болтают всякого...

— Попытаем,—ответил Егор.

— Так, так. Прокладывайте новые тропки, а мы уж за вами...

А когда молодые подались в чашу, вдогонку им посоветовали:

— А вы все-таки не очень, в случае чего... На рожон не лезьте...

— Ладно, не маленькие...

По лесу пошел треск—это ломились через чашу молодые охотники. Время от времени они останавливались и, вынув из-за поясов топоры, делали на стволах засечки, чтобы найти свой след в случае надобности. Одолев залом, пошли бором, а когда он кончился, под ногами захлопало. Лес приземился, будто испугался нависшей над ним воздушной бездны. Пошла мелкая подлесь. В стороне кого-то облаяли собаки, повидимому лакомившегося брусничкой таежного хозяина, но охотники решили не задерживаться случайной охотой. Миновали подлесь, пробились через кустарник, а очутившись на лужайке, остановились. Отсюда они увидели цель своего путешествия.

Лес вдруг кончился. Вправо и влево, насколько хватал глаз, уходила трясина—рыжая, кочковатая, утыканная кое-где сухостойными деревьями. Окна открытой воды смотрели в небо, как незрячие провалившиеся глаза. А посредине, где болото сходилась с небом, темным горбом пучилась Черная Грива. Очертания острова были смутны, ржавая хмара стояла в воздухе; только скалы-уши, как клыки кабана, рисовались в небе четко и резко.

Прикинули, осмотрелись. Справа от леса—поросший низкорослыми соснами язычок, а от него в трясину—кочка за кочкой, будто шел кто по болоту и терял их из кармана. Не там ли ключ к запретному месту? Пошли обходом. Егор по привычке за топор взялся, делать засечки. Взмахнул раз, другой, а на третьем остановился и подозвал к себе товарищей. На дереве, которое он хотел рубануть, ясно выделялся сделанный кем-то затес.

Чуть дальше—другая отметина, потом еще. И так до самого мыска. За мыском—следы. По кочкам, к острову.

— Настоящая тропа, братишки...

— Тропа и есть. Собрались скакуна оседлать, а он уж оседлан...

Остановились. Вонюче задымили собачьими ножками. Смотрели то на болото, то на продолженную через него тропу. В черном тесте следы кожаных чирков отпечатывались ясно. Видны были даже заплатки на пятках. В просветах между сосен беззвучно плавала паутина, а над Черной Гривой сломанным крылом висело белое облако. В глубине трясинны звонко трубили невидимые гуси.

— Кто?—Егор вдавил ногой в землю докуренную папиросу и пытливо посмотрел на остров.

— Может Селиван с Никишкой,—отозвался Федорка.

— Сказал! Селиван с Никишкой на Гриву ходили, когда ты еще на пузе ползозил.

— Да они назад и не шли, а вот этот шел с острова,—заметил Петрован, показывая на один из следов.

— Да,—протянул Егор,—тропа много хоженая.

Хлябина зачмокала, словно перестоявшееся тесто, но тропа была проложена с большим толком. Цепляясь за мшистые бугорки, она смело лезла в болото. Неизвестно, кто прошел тут первым,—человек или зверь. Следы охотничьих чирков продавливались острыми копытами сохатых, а в одном месте поставил свои печати медведь. Иногда мшистая почва зыбилась, как люлька, и из нее выплывала черная жидкая тина. Остров нарастал, выпячиваясь над болотом косматой шапкой сосны и кедровника. А когда окаменевшее ухо легендарного скакуна, коснувшись острым краем солнца, разорвало огненный шар пополам, трясина чавкнула под ногами в последний раз. Следопыты ступили на твердую почву.

— Ну, Черная Грива, принимай неожиданных гостей,—насмешливо сказал Федорка.

— Она-то не ждала, а вот он наверное ждал... Ишь как кланяется,—проговорил Егор, показывая рукой вперед.

На гибкой лозине раскачивался человеческий череп

Там на гибкой лозине, колеблемой ветром, раскачивался из стороны в сторону какой-то круглый белый предмет. Это был человеческий череп. Мигая охотникам черными глазницами, он предостерегающе и жутко скалил на них белые зубы...

Ночь упала как-то сразу. Когда остановились на полянке, макушки елей еще цвели багрянцем, а пока собирали хворост да налаживали костер, стало так темно, что нельзя было видеть на расстоянии протянутой руки. Свистя крыльями, в темной вышине пролетели какие-то птицы.

— А все-таки если бы этого человека сломал медведь, ружье было бы тут,—задумчиво говорил Федорка, следя за улетающими вверх искрами.—Ложке могло сгнить, а ствол должен остаться.

Он говорил о той груди полустлелых костей, которую они нашли на острове. В них как раз не доставало черепа.

— Может тот и подобрал, кто повесил на лозину череп. А может мы и не нашли,—заметил Петрован.

— А про зверя забыли?—проговорил Егор.—Он тоже на это мастер. Помните Сеньку Хромого? Его медведь сломал в Зайчишине пади, а ружье нашли потом у Чадобца, под валежником...

В чаще что-то затрещало. Собаки заворчали и бросились в темноту. Люди

насторожились. Заливистый лай разорвал тишину, но через минуту собаки вернулись. Какой-то неясный звук доносился еще из леса, а затем снова все стихло.

— Хозяин...

— Он шатается. Хотел верно погреться у огонька.

— А может и потушить,—улыбнулся Петрован, поправляя дрова.

— Как потушить?

— А как было с Капитоном? Сидел вот также у костра, а медведь и припер вплотную. Постоял, посмотрел, а потом пошел к речке. Окунулся в воде, потом вернулся и давай у огня отряхаться. Обсох и опять в воду. И так таскал на своей шубе воду до тех пор, пока не потушил костра...

В лесу опять что-то гукнуло или может просто так показалось. Спускаясь сверху, к костру тянулись мохнатые лапы елей. Вскипевший котелок задорно брызгался на огонь. Заварили вместо чая берцовой чаги и, зачерпнув берестяными черпаками, стали пить. Вдруг Егор повернулся к Федорке и спросил:

— А где же твоя птица?

— Там,—улыбнувшись ткнул тот в темноту.—На дереве. Ремешком к сучку привязал.

— Ты хотя бы покормил ее, а то с голоду сохнет.

Федорка поставил на землю недопитый черпачок и, поднявшись на ноги, исчез в темноте. Через минуту он вернулся, держа в руках молодого ястреба. Федорка любил возиться с живым зверьем и птицами. Дома у него по двору расхаживал журавль, а в избе под печкой жил заяц. Ястреба он подобрал на острове. У него было подбито кем-то крыло.

Держа за ремешок, привязанный к ноге птицы, Федорка посадил ее на сошку. Ястреб было рванулся, но убедившись в своем бессилии, тотчас успокоился. Долбанул по сошке изогнутым клювом, зорко осмотрел людей и, встряхнувшись,

стал охорашиваться. Ему предложили размоченных в воде сухарей, но вместо благодарности он раскrojил Федорке руку. На сухари не обратил никакого внимания.

— Это он жрать не станет,—сказал Егор.—Завтра мы добудем ему свежего мяса. А теперь тащите в костер больше дров и давайте спать...

Ночь была в болотной сырости. Небо было темное, глубокое, и звезды на нем колыхались точно стеклянные бусы, привешенные к темному бархату невидимыми нитями. Утром порешили: сначала заняться исследованием острова, узнать, зачем ходили сюда люди, попутно выяснить наличие белки, а затем ставить зимовье и приниматься за охоту. Чтобы не терять времени, пошли в одиночку: Егор с Петрованом обочинами по краям острова, а Федорка полз медведем серединой. К полдню уговорились вернуться к месту ночевки.

Обойдя остров, первые двое встретились против Ушей. Скалы отделялись от острова неширокой трясинной. Сюда бы должен выйти и Федорка, но его пока не было. Не пришел он и на стоянку, когда стали полдничать. Он или увлекся охотой, или повстречался с кем из людей. На острове были посторонние. Во время обхода и Егор и Петрован слышали далеко в чаще выстрел из берданки—раскатистый и громкий, как из пушки, а у Федорки была мелкокалиберка.

— А все-таки чудно,—заметил за обедом Петрован.—Шатается кто-то сюда, а молчит. Пусть мол другие плетут про Гриву разную небыль...

Победали, поспали, а Федорка все не возвращался. Что с ним могло приключиться? Пошли на поиски. Солнышко уже садилось на макушку леса. Миновали мокрую мочежинку и стали подниматься на увал. Вдруг остановились. На взгорье, между косматыми елями, увидели ухажье—сруб прокоптившихся дымом бревен, прикрытых сверху толстым накатником. Такие избушки строят таежники для зверового промысла. Дверь в ухажье была раскрыта настежь, а на пороге лежал

какой-то темный предмет—не то обрубок дерева, не то человек.

— Никак...—начал было Петрован, но Егор его перебил—Федорка, ты это что?—не своим голосом выкрикнул он и бросился вперед.

Федорка лежал, поджав к животу ноги. Темный пушок на верхней губе казался нарисованным. Одной рукой царапал землю, а другую держал на животе. Из-под пальцев сочилась кровь и, собираясь в темное пятно, медленно стекала вниз.

— Как это? Кто?!

— Пить,—простонал раненый.

Петрован бросился вниз, к ручью, а Егор склонился над Федоркой. Растегнул на нем куртку и ножом располосовал мокрую от крови рубашку. Войдя в левый бок, ближе к спине, пуля вышла с правой стороны живота. В сумке Егора нашлась чистая рубашка. Когда Петрован прибежал с водой, обмыли кровь и, разорвав рубашку, кое-как перевязали рану.

— Эх, паря, здорово тебя взяло...

— Стал дверь отворять и... вдарило,—еле внятно проговорил Федорка и впал в забытие.

Охотники шагнули в ухажье. Это так и было. От двери тянулась тонкая веревочка, а из-за стены выглядывал темный кружочек дульного среза. Открывая дверь, Федорка потянул за веревочку и ружье выстрелило. Ухажье было настроено.

— Ах, чорт!—вдруг выругался Егор, показывая рукой в темный угол.—Ловко придумано...

— Что это такое?—спросил Петрован.—Трубы, котел какой-то...

— Труды нашего Петровича...

— Машина для самогонки?

— Она самая. В ухажье, старый пес, самогонный завод оборудовал. Да еще ружье за дверью спрятал. Ну теперь за все рассчитается дьявол...

Федорка бредил. Метался, слова какие-то бормотал. Его устроили в ухажье: натаскали на нары мягких веток, а сверху застелили своими куртками. На полу развели огонь от болотной мошки, набиваясь в глаза и нос, больно жалила, проклятая.

Егор сбегал на болото и принес листьев какого-то растения, имевшего силу останавливать кровь. Присыпав раны порошком, чтобы не загноились, сверху прикрыли принесенными листьями, а когда опять наложили повязку, Петрован сказал:

— Пуля по всем кишкам прошла... Что будем делать?

— Перво-наперво надо носилки,—ответил Егор.—Бери топор и вырубь две жердинки да потом лозины, которая погибче. Ночью через болота идти неудобно, а утречком и понесем...

— Вы тут, ребята?—очнувшись, слабо окликнул раненый.

— Тут, тут, Федорушка. Пить? Испей, испей, от воды то оно тово... Полегчает малость...

Федорка сделал несколько глотков и закашлялся, исказив бескровное лицо в гримасе страдания. На лбу колечками скатались мокрые от пота волосы.

— Ну как, здорово больно?—спросил Егор, когда Федорка успокоился.

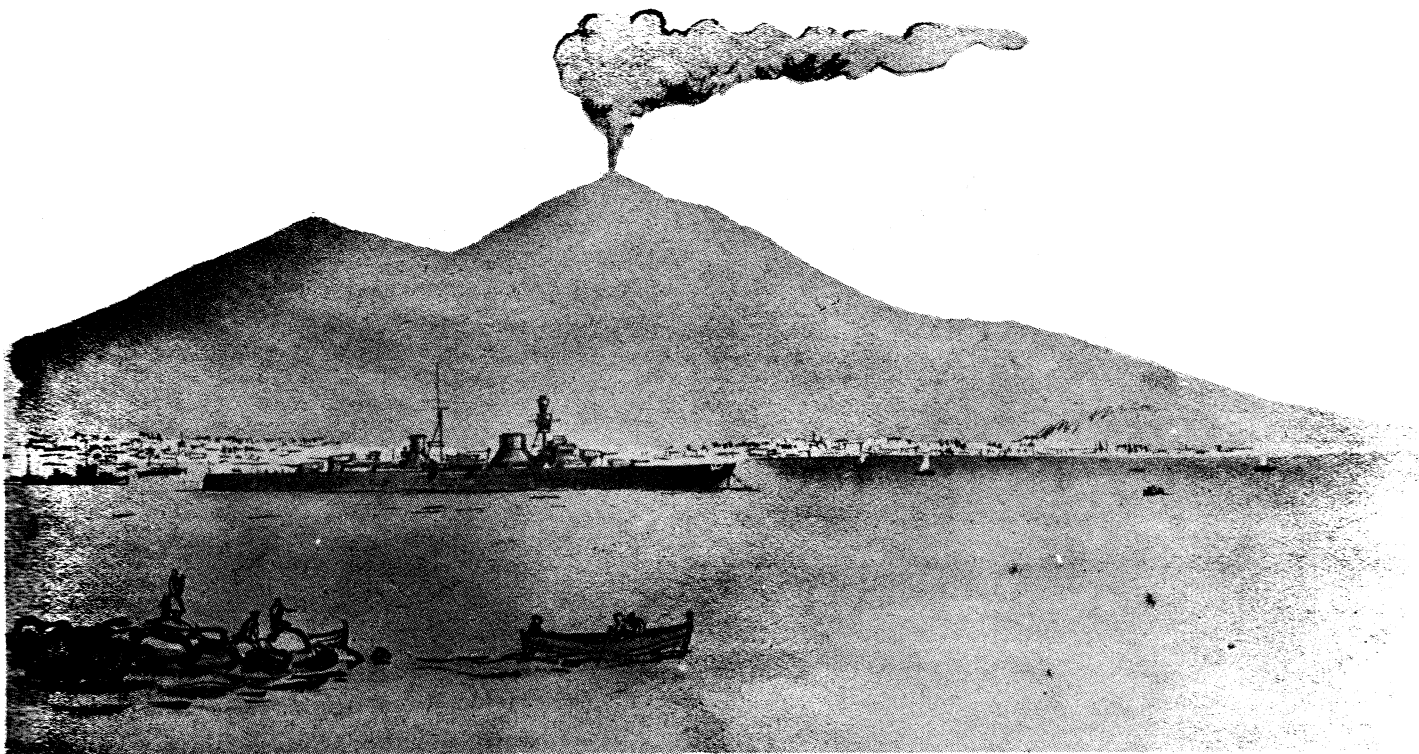
— Жжет очень...

— Это ничего, от пороха... Потерпи маленько. Завтра мы тебя к обеду в деревню доставим, а там на лодку и в Каменку. В больницу. Ничего, оклемаешься, парень...

(Окончание в следующем номере)

Федорка лежал ничком у дверей ухажья...

КОРАБЛЬ УДАРНИКОВ

Из дневника участника рейса „Абхазии“ вокруг Европы—комсомольца-ударника завода „Серп и молот“ Г. БЕБЧУКА Рисунки В. Голицына

Полдень 26 ноября. Темная полоска моря на горизонте вплотную прижалась к ослепительному небу. Сверкающее под лучами южного солнца море походит на гигантский полированный стальной лист. Горизонт продырявливают, всплывая из моря, остроконечные конусы Везувия.

— Италия!—кричат рупора голосом капитана Галышева.—Италия!

Нормальная жизнь теплохода полетела вверх тормашками.. Двери кают и салонов затрещали пулеметною трелью, и в несколько минут все палубы „Абхазии“ были облеплены ударниками и ударницами. Даже кожи с раздувающимися от ветра белыми шапочками стремглав вылетели из камбузы взглянуть на приближающиеся коричневые шапки прославленного вулкана.

— Даешь Италию!—гремели в ответ рупорам многоголосые крики.

Берега приближались, развертывая чарующую панораму, раскинувшуюся у подножья коричневых гор. Уж ясно виднелась знаменитая канатная железная дорога на Везувий. Маленькие вагончики, вырисовываясь на фоне неба цветом застывающей мартеновской плавки, медленно катились вверх. Справа, на широченной спине горного массива, прорезая строгими зигзагами деревушки и волнистые леса, мчалась из города к верхушке Везувия шоссейная дорога.

Около часа дня два итальянских буксира, сопя и пыхта, как ожиревшие моржи, потащили „Абхазию“ в узкий проход Неапольской гавани. На горизонте дымили конусы Везувия. Белоснежные строения утопали в густых мандариновых и лимонных садах, сбегавших к морю. На набережной мерной поступью брели маленькие ослики, запряженные в крохотные тележки с колесами паровоза. Среди громадной толпы блюстителей и защит-

ников «свободной Италии», мы с трудом отыскивали маленькую сплоченную группу, потонувшую в море мундиров. Глаза трехсот ударников жадно пожирали смутно виднеющиеся родные лица. Вдруг громкий вскрик:

— Максим Горький!

Зашумела, заворчала живая изгородь, и громовыми раскатами понеслось к берегу:

— Максиму Горькому—ура! Советскому полпредству—ура!

Замолчали на миг, и словно эхом помчалось обратно к теплоходу:

— Привет ударникам Советского союза. Ура! Ура! Ура!

Но вот формальности проверки кончены. Офицер-итальянец сбегает по трапу и, щеголяя выправкой, идет к группе работников полпредства. Очевидно он передал им разрешение, потому что вся группа сейчас же направилась в нашу сторону.

Ударники ликуют. Приветствия летят с обеих сторон. Алексей Максимович идет, все ускоряя шаг. Вот он вынул большой платок и быстро утирает моргающие глаза.

— Ребята, ура!.. Ура! Ура!—кричат сотни глоток. Горький первым выходит на палубу. Он судорожно прижимает руки к сердцу, несколько мгновений смотрит на нас затуманенными глазами. Грудь вздымается, подбородок дрожит. Мгновение — и Алексей Максимович оправился. Протянув руки, подходит к ударникам, здоровается, хлопает по плечу. Вот он подошел к маленькому Никитину с АМО. Дрожащим голосом, сжимая руки плечи Никитина, говорит:

— Ну как, старина, победим? А?

И сам отвечает:

— Победим, конечно победим!

Но что это? Почему Алексей Максимович так странно уставился на старика

Шилина. А Шилин тоже хмурит упрямые брови. Через три секунды все выясняется:

— Алексей Максимович!

— Шилин, старый мой друг!..

Оба взмахивают длинными ручищами и обнимаются.

Находчивый кинооператор

Через полчаса на верхней палубе „Абхазии“ открылся летучий митинг. С крепкой речью выступил тов. Лукомский.

Коснувшись наших взаимоотношений с Италией, тов. Лукомский сказал:

— Советско-итальянская торговля разрастается. Свою потребность в нефти Италия на 50% удовлетворяет на наших рынках, и в свою очередь экспортирует в СССР 45% своего вывоза. Мы ввозим в СССР итальянские автомобили, шарикоподшипники, итальянские инженеры строят в Москве гигантский шарикоподшипниковый завод на 13 000 рабочих. Итальянцы осушают наши болота. Передайте привет рабочим нашего Союза и поругайте немного Донбасс за то, что он не выполнил программу, сорвав нашу работу. Италия дала нам большой заказ на уголь, а Донбасс не дал его.

Под гром аплодисментов, под щелканье фото и жужжание киноаппарата выступает Алексей Максимович.

— Приветствую вас, товарищи! Приветствую! На счет вредителей из торговой промышленности скажу одно: правильно советская власть поступает, не мешайте строить. Правильно!

Аплодисменты. Собрание кончено. Тов. Вигалок объявляет, что через полчаса мы уходим на экскурсию.

Я бегу в каюту. По дороге встречаю кинооператора Дахно. Останавливаю его и укоризненно говорю.

— Эх ты! Оператор липовый! Тебе только пейзажи снимать, а вот когда

Шилин с Горьким целовались да плакали, такой момент ты упустил. Шляпа, — доканчиваю я торжествующе.

Взбешенный оператор схватывает меня за плечи и требует объяснения. Я рассказываю, как было дело. Осунувшийся Дахно отпускает меня и погружается в глубокую задумчивость. Потом совершенно внезапно — хлопает себя рукой по лбу и бегом мчится в каюту.

Решив про себя, что человек окончательно рехнулся, иду одеваться.

Скоро все готовы, гурьбой выбегаем на палубу. На палубе застаем сносшибательную картину. В кругу ударниц и ударников Максим Горький обнимается со стариком Шилиным, а рядом находчивый Дахно быстро вертит ручку киноаппарата.

Фашистская Италия

Неаполь начали осматривать.. с полиции. Обилие полицейских подавляет и ошеломляет. Улицы пестрят военными мушкетерами и рясами духовенства. На пути к вокзалу подъемной железной дороги мы повстречали большой вооруженный велоотряд, десятки отдельных военных и несколько отрядов... молодых монахов.

Сын Максима Горького, прикрепленный к нашей группе, говорит, улыбаясь:

— В Италии на 15 жителей приходится один поп.

Подходим к высокому темному зданию вокзала. Два узких железнодорожных пути круто убегают в темную пасть тоннелей. Усаживаемся. Маленькие вагончики тихо ползут вверх. Гора очень крутая, и ехать впервые жутковато.

Но вот свисток. Мы толпой высыпаем из тесных вагончиков и сразу попадаем в кварталы, где живет неапольская беднота.

Низкие грязные домики громоздятся по склону горы один над другим. Дopotопная мостовая убегает в темнеющую муть вечера. Полуголые детишки стаей бегут за нами и попрошайничают. Чем выше взбираемся, тем хуже и грязней «Квартирами» здесь служат крошечные комнатухи, где дверь заменяет окно. У дверей горит чугунок, на которой в грязном котле варится пицца; над чугунок сушится рваное белье.

Кварталы бедноты протянулись вплоть до самой вершины, где расположились два ресторана для туристов. Отсюда великолепный вид на засыпающий Неаполь, залитый миллионами огней.

В открытом городе

На следующий день — экскурсия в знаменитый старинный город Помпею.

От пристани к вокзалу пошли невероятно грязными улицами. Десятки нищих и оборванных бродяг попадались нам по пути. У здания американского банка к нам подошел оборванный парнишка и стал просить подаяние. Амовец Потанов дал ему папиросу, кое-как объяснив, что итальянских денег у нас нет, как только парень отошел от нас, его моментально схватил полицейский и начал избивать.

Через несколько кварталов улицы стали расширяться, дома росли, архитектура их становилась изысканной. Среди небольшого скверика высился громадный старинный замок. Пышный тропический сад, заросший сотнями пальм, благоухающий цветочными клумбами, зеленеющий пышной пеной причудливых кустарников, кружил головы северян. Сквозь густую листву тропических растений, высоко убега в гору, виднелся Неаполь.

Железная дорога в Италии много хуже наших, вагоны жесткие и неудобные. Но скорость электропоезда быстрая: 30 километров до станции Помпея с несколькими остановками промчался в 45 минут.

В 79 году до нашей эры неожиданно произошло извержение Везувия. Город Помпея, с населением около 40 000 человек, в короткое время был залит потоками лавы и засыпан пеплом, слоем в 4 метра.

Прошли века. Строились новые города, деревни, и только в 1741 году один ученый начал делать раскопки на месте гибели города.

Прошли еще два столетия Помпея стала теперь историческим документом. Ее изучают, ее посещают тысячи туристов. Но город и по сей час не откопан целиком. Экономический кризис капиталистического мира отразился на работе по раскопкам. Посещаемость Помпеи за последние годы уменьшилась в десять раз.

Узкие мощеные улицы ни чем не хуже окраинных улиц Неаполя. Каменные полуразрушенные здания хранят следы высокой культуры древних жителей умершего города. Здания построены из мелкого кирпича, оштукатурены каким-то неизвестным составом, который прекрасно сохранился до настоящего времени. Древние обитатели Помпеи были большими ценителями и знатоками искусства. Стены их домов сохранили красивейшие рисунки.

Жилье итальянской бедноты

Помпейцы были хорошие инженеры. Громадные строения, наполовину разрушенные, свидетельствуют о размахе древнего строительства. Множество подземных ходов, громадные бани, площадки для спортивных занятий, театр на 5 000 мест — все это поражает нас.

В большом прохладном помещении музея осматриваем предметы, найденные при раскопках. У входа стоит толстое окаменевшее дерево. В длинной комнате выстроились десятки стеклянных витрин, в которых лежат скелеты помпейцев, погибших при жуткой катастрофе 79 года. Позы свидетельствуют о страданиях и муках умерших. Стеклянные шкафы наполнены разнообразнейшей глиняной и бронзовой посудой. Несколько полок занимает инструментарий древней медицины. Между прочим среди разнообразнейших бронзовых ланцетов и других хирургических предметов лежит миниатюрный прекрасный шпатель. Замечательнейшее врачебное зеркало, которому теперь около 2 000 лет, три года назад «первое» было изобретено в Германии.

Последний свисток сирены. Отдохнувшие моторы «Абхазии» загудели с новой силой. Корпус теплохода дрожит, винты взрывают воду, разгоняясь в безумном беге.

Все дальше и дальше отодвигается усыпанный толпой берег. Моторы все-таки и уверенно гудят под сверкающими железными крышками. «Абхазия» берет полный ход.

Мечта турецкого инженера

Утром 2 декабря «Абхазия» отдала концы в Константинопольском порту. Первые впечатления — конечно полиция. Турецкая полиция — самая грязная и самая вежливая и ненадождливая из всех полиций мира.

Посетили наше торгпредство. Шли туда пешком, и уже через пятнадцать минут прогулки у всех ударников создалось единодушное впечатление о городе. Проконченный провинциальный городишко! Чудовищно грязные улицы так узки и круты, что в большинстве случаев непригодны для движения экипажей и авто.

Дом торгпредства находится в центре Стамбула. Большие металлические ворота с двумя гербами СССР, посреди асфальтового двора развалилась цветочная клумба, эффектная мраморная лестница ведет в здание.

Полпред тов. Сурец, специально приехавший встретить нас из Ангоры, объясняет:

— Этот дворец имел когда то ценности и украшений больше чем на один миллион рублей. В годы реакции он был разгромлен и обокраден.

Через стеклянное парадное широкой мраморной лестницей попадаем на второй этаж, в длинный, с четырьмя колоннами, зал. Десятки столов, сотни стульев. С высокого художественного потолка спускаются пышные люстры. Рядом, в фойе, биллиардные столы, буфет, громкоговоритель, напротив вход в читальню и библиотеку.

Получив свежие советские газеты, выходим из читальни. По крутой и грязной улице веселой гурьбой спускаемся вниз. Проходим через раздвижной мост и попадаем на грязные, но оживленные улицы. Здесь ходят трамваи. Странные трамваи — двухклассные. Первый класс — это красивые миниатюрные вагончики с мягкими сиденьями. Второй класс напоминает зеленый ящик МКХ для мусора,

Итальянский полицейский

только размером побольше, да окна про-
рублены.

Заходим в бывший султанский дворец, поражающий пышностью и великолепием своих покоев. Спускаемся в знаменитый подземный водоем, поддерживаемый 1 100 колоннами. Это знаменитое водохранилище несколько веков бездействует и сохраняется только лишь как историческая ценность.

После обеда на маленьком катере объезжаем Золотой Рог. Вид с залива на город замечательный. Сотни плоскокры-
ших домиков, залезая один на другой, бегут перед глазами. Развертывается бес-
конечная панорама огромных мечетей, окруженных группами башен.

Порт небольшой, но оживленный. Здесь нет тех громадных кранов, что мы ви-
дали в Гамбурге, но нет и той жуткой тишины, которая царила в Гамбургском порту. Десятки судов толпятся у берега, пристань гудит на сотни ладов.

Проходя мимо румынского парохода, мы заинтересовались работой грузчиков. Рваные, худые с потными изнуренными лицами, таща на спине громадную кор-
зину угля, они бегом мчались по дере-
вянным настилам с низенькой баржи к окну кочегарки. Их шесть человек. Шесть безостановочно двигающихся теней. Они

не поют не смеются, не переговаривают-
ся и даже как-будто не замечают друг друга.

Утром следующего дня знакомимся с работой нашего торгпредства, посетили самую большую текстильную фабрику Стамбула.

На фабрике нас приняли очень хоро-
шо. Инженеры водили нас по всем це-
хам, объясняли производство, с охотой отвечали на наши вопросы.

Рабочий-текстильщик получает здесь за 11-12-часовой рабочий день 90 пиа-
стров—около 90 копеек на наши деньги. Работница за ту же самую работу по-
лучает 75—80 пиастров, а дети—здесь работают даже дети!—50 пиастров. Квар-
тирная плата отнимает половину зара-
ботка рабочего.

Прощаясь с нами, инженер, сопрово-
ждавший нашу группу, заявил:

— Я очень интересуюсь размахом строительства в вашей стране. Я с удо-
вольствием пошел бы к вам работать и с радостью отдал бы все свои знания молодому, но очень сильному, крепкому Советскому союзу.

Д о м о й !

6 декабря было самым торжественным
днем нашего рейса. Море и небо были

совершенно спокойны. Ве-
тер спал. В рассвете ту-
манного утра мелодично
жужжали винты тепло-
хода.

Все палубы были за-
пружены ударниками. Ве-
селье крики, смех, гомон.
Все разговоры на одну
тему: «Скорей, скорей, на
завод, на фабрику, за ма-
шину, за станок!» Скорей
бы Одесса! Оттуда ребя-
та передают по радио:
«Не выполнен промфин-
план». Придется помочь
им. Десятки ударников
наперебой выражают же-
лание остаться в Одессе,
чтобы помочь товарищам
победить ударный квартал.

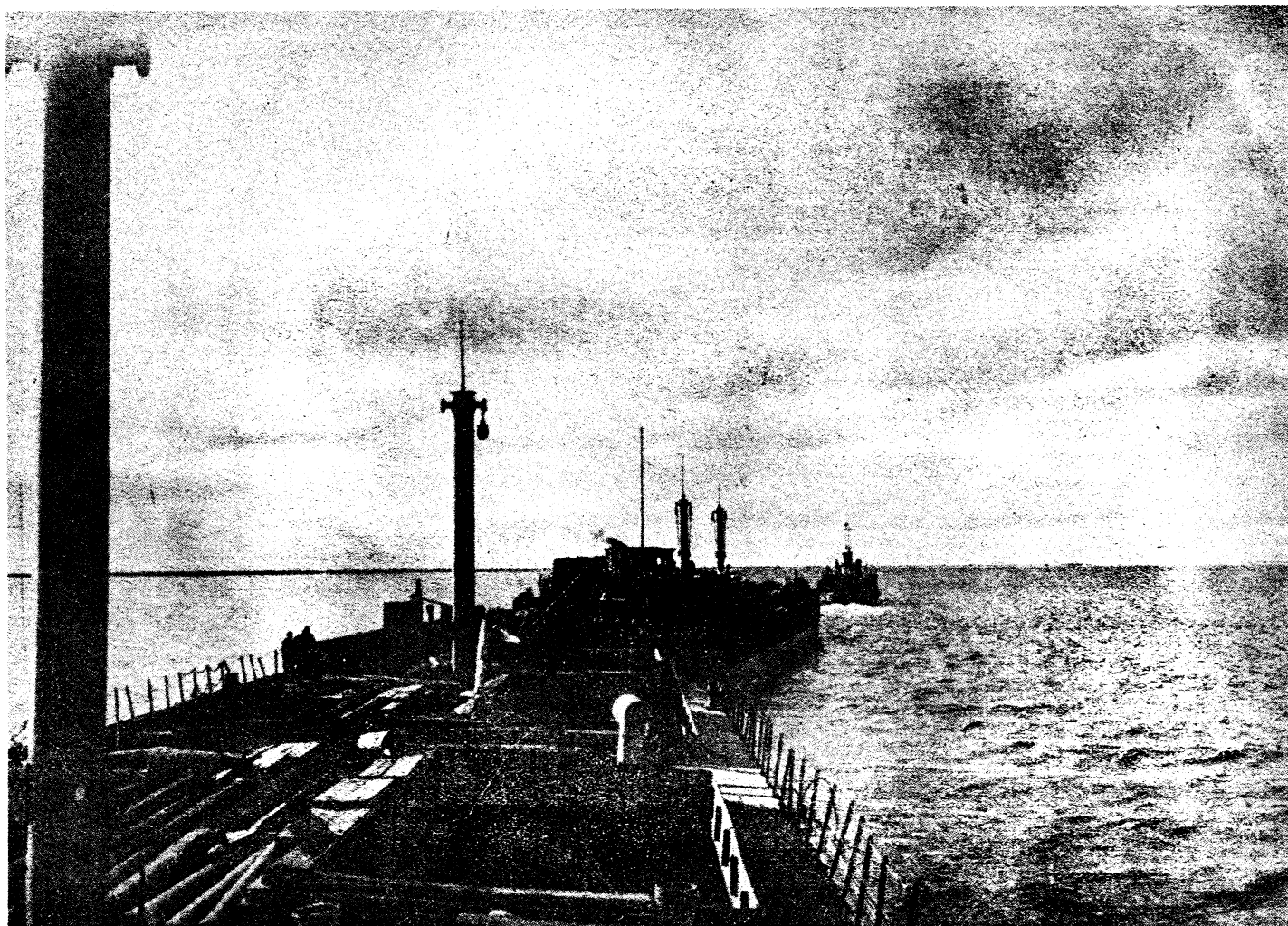
День разгорался, блед-
ные лучи солнца проби-
вались сквозь ажур обла-
ков. В одиннадцать часов на горизонте пока-
залась узкая полоска земли. Через четверть
часа издали показались два катера. Еще
через минуту до нас долетели звуки
военного оркестра. Стоя, мы запели «Ин-
тернационал».

Да здравствует страна рабочих и кре-
стьян!

Как хорошо быть гражданином СССР!

Ударники сговариваются о перевозе через пролив с яличинниками

ПУТИ СЕВЕРА

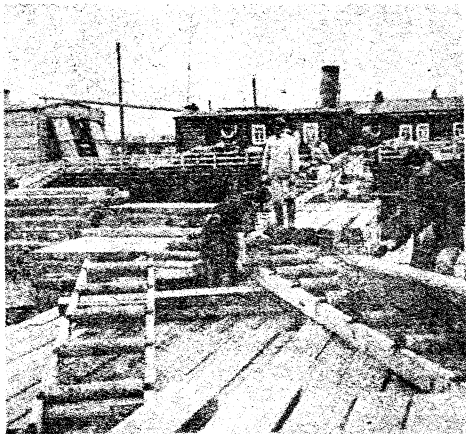
Очерк М. ПАПАВА

Фото А. К. Львова

Новая надпись

Раскройте любую карту севера, изданную до революции. Найдите студеную голубую бледность Карского моря. Справа его льды прижимаются к блеклой зелени тундры. Тундра зеленит весь Ямал. Зеленые берега его омывает голубая ящерица Обской губы.

Дикие, пустынные берега! Ни один иероглиф надписи не нарушает их зеленые просторы. Лишь на новой карте, напечатанной в советской типографии,

На «Острове мертвецов»

вы увидите крошечный синий пароходик, против которого революция вписала толстую черную строчку: «Новый порт».

Слово «порт» означает многое. Это — шум и железо. Окрики грузчиков, свистки паровозов. Металлическое поскрипывание блоков, сложные переплеты конструкций, чернеющие в небе профили кранов.

Раннее холодное утро. Странное безмолвие царит над водами Обской губы. Тишина, особая тишина, присущая северу. Но где же порт?

Напряженно всматриваясь, вижу тоненькие иглы мачт и серые дымки труб, воткнутые в мутные серые волны на большом расстоянии друг от друга. Берег все ближе и ближе надвигается на нас. Вырисовываются контуры бревенчатых строений. Вдали, на маленьком холмике, конус самоедского чума разрезает горизонт. Чем ближе мы приближаемся к берегу, тем туманнее становятся контуры стоящих на рейде пароходов.

— Восемь с половиной! Восемь! Семь с половиной! — отсчитывает матрос.

Это футы. Обская губа очень мелка у берегов. Мели, скрытые водой, стерегут большие океанские пароходы, и они принуждены стоять на рейде в 10-12 километрах от берега. Огромные железные машины побеждены песком. Но железо возьмет верх. Это — дело ближайшего будущего.

Мы расскажем холодную тишину утра всплесками весел. В полукилометре от берега наша лодка колесит в разных направлениях, беспрерывно натываясь на песчаные косы. Наконец, разозлившись, мы храбро опускаем ноги за борт, ступая в море, которое нам действительно по колено.

Берег без порта

Тщетно стараюсь увидеть какие-либо склады, громоздкие постройки, лебедки — все, что обычно ассоциируется с портовым берегом. Берег существует здесь сам по себе, порт — тоже сам по себе. Все портовые операции производятся на воде. Новый порт — пловучий порт. Берегу присвоена здесь очень скромная функция естественной бухты, укрывающей суда от штормов. Единственное строение на берегу — это фактория Госторга.

Бревенчатые стены фактории утверждают здесь новую жизнь. С первым же установившимся снегом, закрывшим серые лишайники тундры, начинают прибывать легкие нарты ненцев¹, запряженные оленями. Если верблюда называют кораблем пустыни, то олень поистине корабль тундры. Здесь, в фактории, туземец получает все, что ему нужно, на дол-

¹ Ненцы — подлинное название так называемых самоедов.

гую полярную зиму муку, масло, мануфактуру, ружья и даже бинокли, на которые ненцы предъявляют большой спрос. Бинокли нужны им для ориентировки в необозримых пространствах тундры, для наблюдения за стадом оленей и для охоты.

На фактории нас угощают осетровой икрой. Несколько человек, посланных весной на пробную ловлю, выловили здесь 50 тонн крупного осетра. В будущем году предполагается развернуть крупные рыбозаготовительные операции.

Два километра отделяют факторию от радиостанции. Ноги вязнут во мховом ковре, покрывающем тундру. Небольшие холмики сплошь усеяны бледножелтыми ягодами спелой морошки, которой мы отдаем должную честь.

Ледяной враг

На радиостанции наш приход никого особенно не удивляет. В это время года ее часто посещают матросы Карской экспедиции. Они высаживаются на берег—ощутить твердость почвы после долгого качания корабля, пострелять уток на озерах, постать приветствия из-за полярного круга в далекие города Большой Земли.

У радистов крепкие жилые дома, электричество, хорошо подобранная библиотечка. От цыгги их спасают овощи, забрасываемые летом, свои коровы и свиньи дают свежее мясо.

Радиостанция являет собою последнее звено в цепи попыток освоить Карское море. История этих попыток очень давняя, и стоит она многих жизней и кораблей.

Еще в 1580 г. пробовали проникнуть сюда англичане Пэт и Джаман, но корабли их затерло льдами Карского моря. Предприимчивый купеческий город Новгород не раз пытался наложить свою лапу на богатства севера. Через реку Мутную, впадавшую в Карское море, новгородские резные, деревянные челны проникали вглубь полуострова Ямала. Отсюда, волоком достигнув озер, которые дают начало реке Зеленой, новгородцы спускались по ней в Обскую губу. Во время пышного и жестокого царствования Анны Иоанновны была предпринята экспедиция для исследования берегов Сибири. В августе 1737 года боты под начальством Малыгина, именем которого назван сперирующий в Карском море ледокол, вошли в Обскую губу. В том же августе 1737 года достигла своей цели и экспедиция Овцына, плывшая от Тобольска вниз по Иртышу и Оби. Эти экспедиции проделали тот путь, которым сейчас ежегодно проходят суда Карской и Енисейской экспедиций. Паровым судам под командой Вигинса, Норденшельда и других удается проникнуть в Карское море только во второй половине XIX века. Для того, чтобы хотя вскользь коснуться всех попыток обуздать непокорное Карское море, нужно было бы написать огромный том, наполненный голубыми льдами и полярной героикой. Но все же, до самого последнего времени, северный морской путь в Сибирь не был открыт для регулярного коммерческого использования и его новейшая история продолжена лишь революцией.

С 1920 года начинается ежегодный провод судов Карской экспедицией. Советские ледоколы крейсируют у проливов Карского моря острова Белого и северной оконечности полуострова Ямала охраняя суда от затиранья льдами. Проход Карских ворот оставлен нами—он слишком узок и постоянно забит льда

ми. Советские капитаны, испытанные полярные моряки, ведут иностранные суда, используя обычно проливы Маточкина и Югорского шаров.

Методично вспыхивает динамо. Из соседней комнаты, где в блеске голубых молний застыла напряженная фигура радиста, доносится нервное постукивание передатчика. Перед нами только что принятая телеграмма. Волны эфира свиты в черные ниточки букв—новый иностранец идет в порт. Он норвежец. Надо пригласить к разгрузке.

Порт на воде

Ночью порт спокоен. Разбросанные на большом расстоянии, переливаются огни пароходов. Над водой краснеют точки бакенов. Безмолвные черные бездны трюмов, пахнущие сосновым лесом. Звон склянок, отбивающих часы, иногда разрывает сгустившуюся тишину. Вода складывает в гармонику призрачное отражение кораблей. По небу шарит слабый отсвет северного сияния, словно белесый свет прожектора беспокойно переходящий с места на место. Ранним утром, когда бледно-розовые тени рассвета окрашивают дымки труб, начинается рабочий день порта.

Пронзительно завывает Разведка—маленький пароходик, вестовой при огромном теплоходе «Сибкрайком». Он служит для связи между десятками пароходов, лихтеров, барж, стоящих на большом расстоянии друг от друга. «Сибкрайком»—руководящий центр порта и всей Карской экспедиции. На конце его радиомачты сходятся волны от далеких паро-

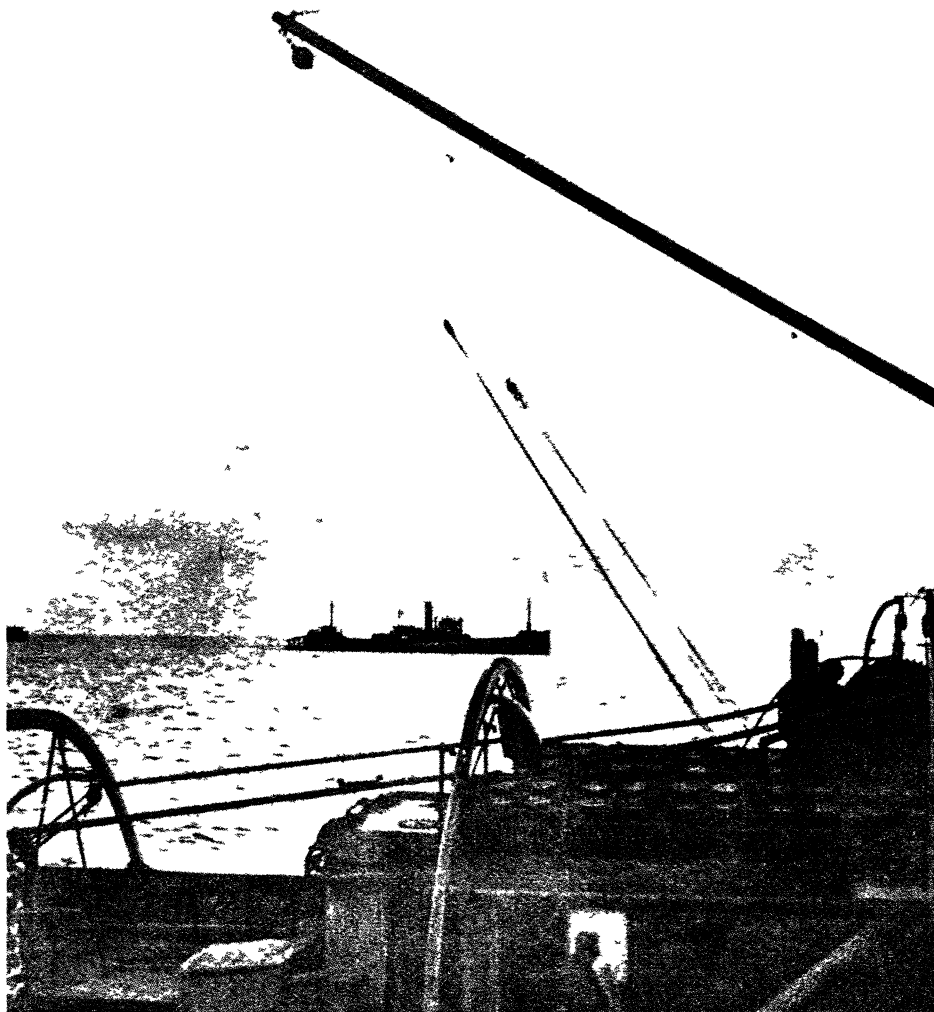
ходов, находящихся еще в Карском море, сюда мчатся по эфиру донесения береговых радиостанций и ледоколов, провожающих в качестве гувернеров иностранцев.

Операции Карской экспедиции начинаются после вскрытия льда на Оби и освобождения проливов. В состав экспедиции входит 36 единиц. Они идут вниз по Иртышу и Оби, забирая груз во встречных портах. Острый недостаток тоннажа заставляет забрасывать первоначально половину груза на остров, находящийся в сотне километров от Обдорска. Остров этот зовется Халая-спугор, что значит по ненецки «Остров мертвецов».

Старые кости покойников потревожены новой жизнью, развертывающейся на севере. Мертвый покой кладбища нарушен гомоном людей, и тысячи стандартов леса встали гигантским памятником индустрии.

В конце июля, после прохода льда, нагруженные суда приходят первым рейсом в Новый порт, где начинается погрузка иностранных пароходов. В конце августа, вторым рейсом, они захватывают грузы с Халая-спугора. Операции заканчиваются в конце сентября. Малейшая задержка может сковать суда льдом в пути.

Норвежская Марита расцвечена черными, белыми и розовыми полосами. Это придает ей какой-то мрачнококетливый вид. Чернокрасный «Хилькрофт» тоже норвежец. Облезлый и старый, он заигрывает с новенькой русской баржей. Дальше виднеется высокобортный английский.

Корабли Карской экспедиции на рейде

ский угольщик. У него насупленный, недоброжелательный вид старого, обрюзгшего английского консерватора.

Маленький катерик, вертлясь среди окружающих океанских пароходов, словно блоха перед стадом слонов, подвозит меня к лихтеру. Лихтер—это железная баржа. Он выстроен специально для транзита леса. В его трюм можно спустить целый пароход, который сможет там даже двигаться. Если заглянешь вниз, то от глубины и сладковатого запаха леса кружится голова. Сейчас лихтер до половины нагружен высококачественным, гладкоствольным, словно выведенным по линейке, экспортным лесом.

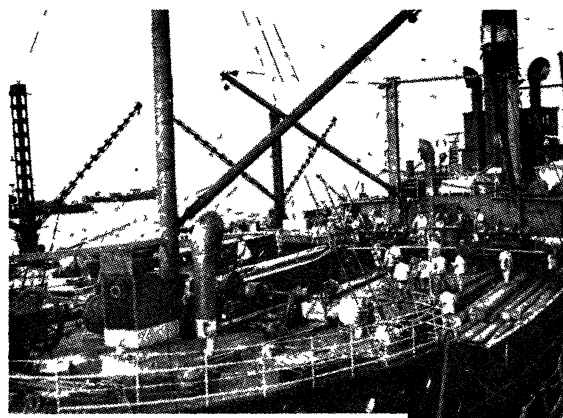
— Майна! Вира!—глухо доносится из глубины трюма.

Гремит лебедка. Железный хобот наклоняется над пропастью трюма, опуская туда стальной канат. Грузчики внизу приподнимают ломом бревно, и, захлестнутое стальным объятием каната, оно плавно переносится в трюм парохода.

— Пойдет-пойдет! Сама пойдет. Еще пойдет!—взрывают воздух крепкие груди грузчиков. Норвежец, стоящий у машины, радостно ухмыляется. Ему нравится песня русских, нравится радость их труда.

— Направо, чертило, направо!—ревет ему снизу огромный бородатый дядя, и стрела послушно делает движение направо. Норвежец понимает по-русски. Но вот появляется на мостике золото капитанских галунов. Глаза машиниста мгновенно потухают, спина горбится, а из лихтера снова несется интернациональное: «Майна! Вира!» При капитане, боящемся красной заразы, норвежец не должен обнаруживать своего знания русского языка.

Черная пасть иностранцев жадно проглатывает наш экспорт, выбрасывая взамен машины. Ящики—большие, маленькие, огромные. Ящики хранят в себе колоссальную энергию, спрессованную в тысячи тонн стали и железа, загнанную в колеса маховиков, в движение поршней. Эта энергия подталкивает упирающуюся жизнь, она шагает индустрией по нашему необъятному Союзу, она ускоряет темпы нашей великой и небывалой стройки.

Первая пятилетка

„Помогите нам! В тесном единении с Советским союзом! Посвящено нашим русским братьям, товарищам матросам „Первой пятилетки“, Красной помощью Данцига. Да здравствует борьба с белым террором. Август 1930 г.“

Эта надпись, приколотая данцигской организацией Красной помощи Германии, белеет на стене красного уголка. „Первая пятилетка“—новый теплоход Карской экспедиции. Он прибыл в конце августа из данцигского порта. Налет загра-

ничного плавания еще чувствуется на команде. Штурмана щеголяют в каких-то особенных дождевиках, на матросах необычайно замысловатые узоры жилетов и длинноносые ботинки «джимми». Но беседа с ребятами, я не чувствую никакого восхищения и аханья перед Западом. Мне рассказывают о безработных, ночующих в скверах, об отсутствии прожиточного минимума, о необычайной проституции «вольного города», где нужна выгоняет толпами женщин на улицу.

В этом году в состав Карской экспедиции вошли пять мощных теплоходов-буксиров, заказанных нами в Германии. Но эти буксиры стоят лучшего пассажирского парохода. Поражает абсолютная безукоризненная чистота. Команда, гордящаяся своим теплоходом, яростно следит за поддержанием этой чистоты. В огромном машинном отделении, где в ритмично стучащие поршни цилиндров запрятано 1400 лошадиных сил, ни единого пятнышка нефти на полу. Вахта машинного отделения сейчас же после работы попадает под душ. Теплоход сверкает ярко начищенной медью кранов и ручек, стеклами иллюминаторов, гладью линолеума.

Первое время, попав сюда после нескольких месяцев скитания в тайге и тундре, я ошалел от культуры и комфорта, такого необычного здесь, за полярным кругом. Я пугливо подхожу к умывальнику, у которого два крана для горячей и холодной воды; с чисто папуасским любопытством верчу выключатель вентилятора, предлагающий прохладу в любой час дня и ночи. Матросские каюты—большие светлые комнаты, с четырьмя пружинными койками и четырьмя шкафчиками для одежды, с верхним и настольным светом, с линолеумом на полу. Укладываясь спать в одной из кают, вспоминаю полутемные душные каютки английских матросов, которые мне пришлось видеть при посещении одного из английских лесовозов.

В красном уголке царит веселый гам свободной от вахты команды. Сгучат косячки домино. Шахматные кони, взнузданные руками играющих, мчатся по квадратам клеток. Пляшут туманом белесые глаза иллюминаторов, балалайки и гитары навалены в углу, дожидаясь случая, чтобы выпустить накопившиеся в их сухих телах звуки.

Неожиданно появляются гости. Команда норвежского парохода, ставшего на якорь рядом с нами, пришла познакомиться с жизнью советских моряков. Их восемь человек, почти все они белокуры и сероглазы. Молодые, здоровые парни, потомки рослых скандинавов, некогда завоевывавших Русь. Обобщенное знакомство совмещается с осмотром теплохода, выстроенного по инструкциям и планам со-

ветских инженеров. Мы спускаемся в машинное отделение, заходим на кухню, показываем красный уголок, столовую, баню, матросские каюты. Перед стенгазетой «Путь пятилетки» норвежцы останавливаются и оживленно переговариваются между собой.

Осмотр теплохода заканчивается товарищеским чаем. Наши гости говорят только по-норвежски и немного по-английски. Но ребята находят все же способ обмениваться мыслями с норвежцами. Кто-то притаскивает кипу иллюстрированных журналов. Перелистывая их, матросы показывают гостям дымящиеся трубы заводов, железную паутину строек, армии тракторов, вспыхивающих страницы журналов. Все это сопровождается пояснительными комментариями на скверном подобию английского языка и самой ожесточенной мимикой и жестикულიцией.

Язык пролетариата—интернациональный язык. Мы прекрасно понимаем друг друга.

— Компартия должна руководить. Руль—вот, понимаешь?—и руки всплывшего от напряжения матроса изображают поворот штурвального колеса. Для большей ясности из кармана извлекается книжечка с четырьмя буквами: ВКП(б). Гости рассматривают ее с почтительным вниманием. Неожиданно один из них порывисто вытаскивает из какого-то потайного кармана картонный четырехугольник.

Иностранная вязь букв удостоверяет, что Йогансен Эдвард является членом компартии Норвегии...

Ночью мне долго не спится. Бродя по теплоходу, я натапливаюсь на воззвание профессиональных и партийных организаций Карской экспедиции, которое почему-то не заметил днем.

«Товарищи,—кричат черные точки бу маги,—в этом году на долю водников и грузчиков, участников Карской экспедиции, выпала ответственнейшая задача по выполнению экспортно-импортного плана в размере, превышающем прошлогодний на 172%, что составляет 57 000 тонн. Вместо 13 иностранных пароходов прошлого года в нынешнем году Карская экспедиция принимает 20 пароходов, которые необходимо разгрузить от импорта и погрузить экспортом».

Мелькают строчки букв:

«Факт подписания договоров социалистического соревнования и объявления себя ударниками показал, что водники и грузчики поняли стоящие перед ними задачи и потому решили взять ударные темпы работы».

Изживем недисциплинированность!

Дашь ударное окончание работ!»

Рыжая, гримасничающая луна повисает на кончике мачты. Я думаю об ударничестве, пробивающем льды, о четырех сотнях грузчиков Нового порта, решивших для выполнения плана довести свой рабочий день до 12 часов, о соревновании, развернувшимся здесь, за полярным кругом, о крепкой породе новых людей, завоевавших север.

Могучая творческая сила рабочего класса строит новую жизнь.

Перегрузка леса на лихтер

СДЕЛКА ГОСПОДИНА ЭНГЕЛЬ

Окончание рассказа НИК. ШПАНОВА

Рисунки худ. Н. КУЗНЕЦОВА

5

Шли дни и шли ночи, не отличимые друг от друга. Дни, как ночи, и ночи, как дни. Иногда озаренные тусклым солнцем, а чаще укутанные в мокрую кисею тумана. Команды иностранных судов Енисейской экспедиции, непривычные к постоянному свету, путали вахты, спали днем, ночью играли в карты и слушали граммофон. А когда подходила страда и льды зажимали черные коробки паровых, люди и вовсе не спали от постоянной возни на палубе, от скрежета льдин о железные борта, гулко разносившегося по всему кораблю. Антенна ледокола не успевала принимать воплей голландских, английских и немецких капитанов, наперебой утверждавших, что их ждет участь «Тегетгофа»¹, если не последует немедленной помощи.

Так было на пути с запада на восток, когда один ледокол должен был протаскивать от Вайгача до Ямала 28 кораблей с импортными грузами. Почти то же самое началось по выходе судов в море с экспортными грузами на пути с востока на запад.

Впрочем теперь было еще хуже. День отгородился от ночи длинными серыми сумерками. На темнеющем небе стали появляться редкие бледные звезды. Лед утратил подвижность. На просторе белых полей все реже попадались разводья и трещины. Реже набегал туман. Вместо тумана с севера двигались темные тучи, лениво сыпавшие крупные хлопья снега. Чаше стали ныть ванты. Иногда нытье переходило в протяжный вой. За воем шел визг и тонкие жалобные крики такелаж. Все кроме вахтенных улеглись с палубы. Только на советском ледоколе сбившиеся с ног люди забыли про вахту. Ледокол был один, а судов двадцать восемь. Двадцать восемь судов нужно было протаскивать через лед. Машинисты ледокола перестали мыться и ели кое-как; голые коцегары, сменяясь с вахты, не одевались и валились в койку, покрывая

темными пятнами угольной пыли подушки; палубная команда сутками не снимала тулупов и валенок, чтобы прямо из койки бежать в аврал.

Спеленутый белыми вихрями снежной бури, самолет Клода приютился у Диксона, не имея возможности выйти на разведку льдов. Экспедиция шла по указаниям береговых полярных радиостанций. Лед был кругом. По какой-то иронии только пролив Малыгина, недоступный для судов экспедиции, был свободен ото льдов. Черные волны свободно ходили по проливу, обдавая пеной плоские берега и слизывая снег на кромке льда, где беспомощно вертелись суда экспедиции. Но начальник экспедиции знал, что этот черный пролив—мышеловка. Он не вошел в него даже тогда, когда ветер упал до одного балла, прекратился снег и в прорывы между темными тучами стал короткими днями проглядывать бледный ответ последнего солнца. Но стоять у Белого было тоже немисливо. Нужно было использовать начавшуюся сильную подвижку льда и выбраться к Новой Земле. И начальник экспедиции знал, что он выберется, но хотел совершить это с возможно меньшим риском.

За кормой у ледокола стояли 28 голландских, английских и немецких капитанов. Они не имели никакого представления о том, что такое льды Карского моря. Они охрипли от ругани с выбившимися из сил матросами. Они замучили радистов, заставляя их бомбардировать антенну ледокола. Капитанам нужна была нянька, чтобы за ручку вывести их через проливы Новой Земли в Баренцево море. Но проливов было три: южный—Югорский Шар, средний—Карские Ворота и северный—Маточкин Шар, и начальник экспедиции не знал, который из них будет свободен ото льдов ко времени подхода экспедиции. Береговые станции тоже видели только то, что делалось в десяти милях от них. Они не знали, какую из проливов угрожает главная масса ледяных полей, плывущая с далекого ветренного севера.

Они не могли помочь начальнику экспедиции.

Помочь могла только воздушная разведка.

Пользуясь первым же светлым днем, начальник экспедиции послал радио на Диксон:

«Можете ли вылететь для освещения движения льдов и выяснения возможности прохода проливами?»

Через час пришло ответное радио:

«Вылетаю немедленно».

6

Вялость Клода как рукой сняло, даже больной Иваныч из-под вороха наваленных на него одеял заметил необычайную нервность пилота. Все делалось быстро и точно. Распоряжения, отданные перед полетом, были ясны и звучали так беспрекословно, что никому не пришло в голову возражать, несмотря на неожиданность. Голос Клода был необычайно резок, когда он сказал, ни на кого не глядя:

— Иваныч болен—с передачей результатов разведки я справлюсь сам. Глюк мне не нужен—мне гораздо нужнее те двести кило бензина, что я могу взять вместо вас обоих. Двести кило—это лишний час полета. Час полета—это сто миль. Сто миль—это судьба всего предприятия... моя судьба.

Клод на мгновение задумался, глядя на Карпа:

— Вы, Карп, пойдете со мной один, если... если не откажетесь... Я оставляю вам право отказаться.

— И отпустить вас одного?.. Хреновато, товарищ начальник.

— Ну, ладно, на то ведь вы и легкая кавалерия: всегда впереди всех. Сейчас же принимайтесь за работу: залейтесь бензином под пробки. Мне нужно столько бензина, сколько мы можем поднять.

— И все запасные баки?

— Да, и все запасные.

— Как хотите, только ни к чему.

— Никаких «только»,—в голосе Клода зазвучали непривычные нотки.

Еще сейчас, прислушиваясь к ровному шуму мотора, Карп отчетливо вспоминал этот необычный тон и острый взгляд Клода.

¹ Австрийское экспедиционное судно, раздавленное льдами.

Давно под самолетом прошел остров Белый и суда енисейского каравана, вкрапленные дымящимися точками в сплошные, осыпанные морщинами торосов, ледяные поля.

Моторы размеренно стучали. Ни один из приборов, расположенных на доске перед Карпом и заменяющих механику в полете все органы чувств, не обнаруживал в работе моторов признаков для беспокойства.

Чтобы убить время, Карп надел на голову наушники. В них нельзя было ничего понять. Писк и вой ненастроенного приемника смешивались в какофонию, какую можно слышать только в эфире, загроможенном судорожными эманациями бесчисленных антенн. Эта какофония забавляла Карпа. Даже когда внизу сверкающая скатерть покрылась темными узорами разводий, он, наблюдая за льдом, не сбросил наушников.

Разводья сменились черными озерами. Льды оборвались. Лыдинки белыми плотами качались на ленивой волне. Самолет качнуло. Правое крыло уперлось в темную поверхность воды. Крутым виражем Клот переложил машину на северный курс. Через несколько минут в наушниках послышался треск и запели высокие чеканные ноты своей передачи. Не понимая на слух, Карп записал нервный черед точек и тире. Через минуту он по складам составил: «Прошел Вайгач Клот».

Карп выглянул из своего колодца и увидел по левому борту серобелые холмы, обведенные с моря широкой полосой припая. Карп уже знал этот характерный вид Новой Земли. К юго-востоку, разрывая хребет, сверкала черная гладь Карских Ворот. У Карпа мелькнула мысль: «Почему же он не дает, что пролив свободен?» Он сунулся было в сторону пилотской кабины, но в этот момент стрелка бензиновых часов очередного бака качнулась к нулю, и Карп забыл про радио.

Включив новый бак и проверив подачу, Карп снова одел наушники. Мембрану попрежнему рвали беспорядочные звуки какофонии.

Самолет неуклонно шел к северу. Холмы внизу переходили в острые сопки, разрезанные глубокими складками. Сопки делались все острее и выше, пока вершины их не воткнулись в белесые клочья тумана. От сверкающих вершин спускались белые трещины пропастей. Снег в трещинах незаметно переходил в белую гладкую поверхность припая.

Вдруг Карп заметил, что припай нигде не кончается. Его белый покров тянется далеко к востоку, переходя в сплошные нагромождения бесконечных полей. По правому борту не было видно даже темной полосы неба—вестницы открытой воды.

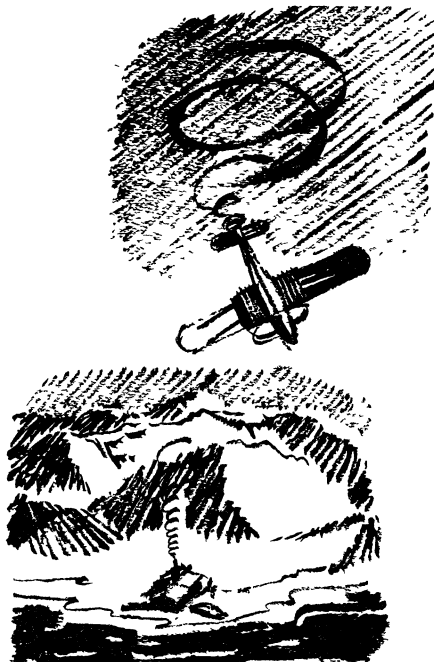
Слева мелькнул разлог. Широкая речка, белой извилистой лентой уходящая в горы. На северном берегу речки Карп увидел на сером склоне горы постройку и среди них—две высокие иглы радиомачт. Карп понял, что ошибся; это вовсе не речка, это пролив Маточкин Шар, плотно забытый льдом и недоступный судам экспедиции.

В наушниках резко щелкнула мембрана и послышался гул динамо. Снова заработал передатчик. Карп взял карандаш и приготовился записывать.

7

Нервный подъем прошел. Уже через час полета Клот почувствовал слабость и обычную апатию. Платье давило плечи,

тело осело. Хотелось спать. Сопrotивление штурвала казалось непомерно сильным. Одной рукой Клот залез в карман и вынул маленький пузырек. Зажав его между колен и сбросив перчатку, Клот концом ногтя зацепил щепотку белого порошка. Быстро нагнувшись за кзырек, он сунул щепотку себе в нос.

Полет самолета был необычайно странным...

Через полчаса повторил то же самое. Стало легче. Платье больше не давило плечи. Штурвал легко поддавался малейшим движениям. Крылья машины стали продвижением рук, и каждое движение плеч заставляло трепетать элероны. В голове легкой розовой волной серебристо звенели мысли:

«... Мы вернемся сюда вымести Россию огромной метлой... Каким бесконечным пиром будет это подметание великих русских полей... У нас запящут лес и горы... Нет, это не отсюда... Тогда будет непрерывная музыка... Да, музыка для нас... а для них? О, для них...»

Серая скучная полоска земли врезалась в розовые мысли. Клот включил передатчик и отстучал ключом: «Прошел Вайгач». Он шевельнул плечами, и машина плавно пошла по кривой, дрожа далекими концами его алюминиевых рук. Снова зазвенели мысли...

Лед, сплошной лед внизу. Клот бросил штурвал и радостно потряс руками:

«Мой последний, самый последний полет «для них». И какой результат! О, на этот раз «товарищи» будут им довольны и долго не забудут лейтенанта фон Клот».

Слева из глубокого разлога выросли знакомые иглы радиомачт. Маточкин Шар. Клоту было достаточно одного взгляда, чтобы увидеть, как безнадежно закупорен пролив. Дрожащей от радости рукой он включил передатчик и застучал ключом:

«Начальнику енисейской экспедиции. Проход Карские ворота невозможен. Не ожидая меня, немедленно двигайтесь к Маточкину Шару. Красный летчик Клот».

«Ха! ха! Красный летчик!—подумал Клот.—В последний раз красный!»

Он повернулся и глянул в кабину механика. Там сидел Карп с наушниками на голове. В руках Карпа белел листок. Разбирая что-то, Карп сосредоточенно грыз карандаш.

Клот побледнел и с силой рванул ключ передатчика. Ключ остался у него в руке, оторванный с куском дерева.

8

Карп сосредоточенно складывал слова из записанных значков Морзе. Выходила такая чепуха, что в голове пошел звон, как от удара. Он поднял голову и встретил широко открытые глаза Клота.

Карп ничего не думал. Он не мог думать. Думать было некогда и не о чем. Его тело согнулось, и он полез в кабину пилота. Здесь он увидел ключ в руках Клота. Тогда Карп первый раз подумал: «Что нужно делать?» Но прежде чем он подумал, рука сама опустилась в карман и снова поднялась с парабеллумом. Черный указательный палец дула устоялся между широко открытыми глазами Клота. Прямо в бескровную переносицу. Не отводя дула, Карп сел за второе управление. Заправил ноги в педали, положил левую руку на штурвал. Тогда пальцы правой руки судорожно сжались, и черный указательный коротко толкнул огнем в бескровную переносицу. Клот откинулся и повис в предохранительном ремне.

9

Геофизики обсерватории Маточкин Шар вели с теодолитом наблюдение за только что выпущенным шаром-пилотом, когда со стороны Карского моря они услышали шум мотора. Мимо устья пролива прошел большой самолет. Машина скрылась за вершину в направлении к мысу Выходному. Геофизики с сожалением посмотрели в сторону, где заглух гул неожиданного визитера далекой земли. Потом они повернулись туда, где за пять минут до того был виден шар-пилот, но только для проформы—шар давно исчез. И когда они уже сложили теодолит, собираясь возвращаться на обсерваторию, до слуха их донесся тот же гудящий звук идущего высоко самолета. Звук быстро приближался. Огибая вершину сопки, отгораживающей площадку обсерватории от Карского моря, на высоте ста метров шел самолет. Геофизики в недоумении остановились—им еще никогда не приходилось видеть самолета, летящего таким странным образом.

Машина беспорядочно качалась с борта на борт, виляла в стороны и то резко набирала высоту, то неожиданно клевала носом. Моторы то рвали воздух сдвоенным ревом, то громко стрелянув, затихали. Казалось, кто-то забавлялся титанической игрой с тысячами лошадей, заключенных в стальные рубашки цилиндров.

Вдруг один из геофизиков—длинный, худой, в старых железных очках—испуганно вскрикнул. Быстро очкаясь, машина шла прямо на него. Она перерезала наискось пролив и серой массой, закрывшей перед геофизиком все небо, с воем и звоном пронеслась над самой головой. Толкнуло бурным потоком крутящегося грохота и обдало резким запахом моторного масла. Геофизик бросился на землю и прижался к острьям мелкого шифера. Но вой сразу угас у него за спиной, проглоченный коротким оглушительным звоном. Самолет ударился в землю.

Из дома обсерватории к самолету бежали люди. Сзади всех, придерживая железные очки, бежал худой геофизик.

Распластавшись разбегавшейся виришь металлической лодкой, с бесформенно изломанными крыльями, самолет лежал на камнях. Из пилотской кабинки торчала рука. Пальцы руки судорожно сжимались и разжимались. Подбежавшие люди за-

глянули в кабинку. Там было двое. Один сидел скрючившись, прижатый колонкой штурвала, уткнув голову в колени. Другой сидел прямо, придавленный к стенке сплюснвшейся кабины. Взглянув на его лицо, подбежавшие люди отшатнулись. К ним был обращен ряд оскаленных верхних зубов. Нижних не было. Не было всего подбородка. Вздутый окровавленный язык повис до самого горла.

Прибежавшие с обсерватории хотели вынуть этого человека из кабинки. Они взяли его подмышки и потащили. Он захрипел и откинул голову. Язык его завернулся трубочкой и поднялся к небу. Ноги человека были крепко защемлены обломками самолета. Обсерваторы беспомощно опустили руки. Человек сделал рукой жест: «Хочу писать». Ему дали карандаш и бумагу. Затирая серый след карандаша полосками крови, он нацарапал:

«Срочно нач Енисейской идите Карские Ворота. Море свободно. Подходы Матшару забить».

Пальцы пишущего судорожно сжались и переломили карандаш.

Кровь стала сильнее пузыриться над усиленно задыхавшим горлом. Начальник обсерватории спросил его:

— Кто вы такой?

Тот вывел обломком карандаша:

«Передайте немедленно».

Карандаш выпал из раскрывшихся пальцев.

Со стороны обсерватории подбежал запыхавшийся врач. Начальник сказал:

— Доктор, если нельзя ему помочь, то нужно по крайней мере узнать, кто он.

Доктор вынул шприц и воткнул иглоку в повисшую руку. Человек устало поднял веки. Начальник повторил вопрос:

— Кто вы такой?

И вложил ему в руку карандаш.

Едва пошевелились пальцы.

10

Прочтя в газетах сообщение о подвиге бортового механика Карпа, господин Энгель написал телеграмму в столицу одной из великих держав:

«Сделка сорвалась, выезжаю немедленно».

Отдав распоряжение отправить телеграмму, Энгель вызвал по телефону консульство маленькой безобидной страны и повелительно сказал:

— Немедленно приготовьте мне визы. Завтра я уезжаю.

Стекло куб в руках средневекового стража слабо вспыхнул и озарил письменный стол. В глубине дома настойчиво дребезжал звонок.

Господин Энгель удивленно поднял брови. Он никого к себе не ждал.

По коридору прошаркала старая Хильма, и из прихожей донесся стук сапог и прикладов.

сожжены три деревни. В огне погибли женщины и дети.

Через несколько дней «живой товар» погрузили на торговый пароход, доставивший его в испанскую колонию Фернандо По.

Это было в марте 1929 года.

Люди оптом и в розницу

Факт этот взят из опубликованного в «Нью-Йорк Таймсе» отчета международной комиссии по расследованию рабства в Либерии.

Комиссия вскрыла ужасающие подробности. Прежде всего установлено, что во главе работорговли стоит президент республики Кинг и вице-президент Янси.

По их повелению объявляется рекрутчина на постройку дорог, военных барачков. Нередко бесплатная рабочая сила отправляется на плантации и фермы президента и правительства.

При малейшей попытке к бегству рабов подвергают пыткам. Их связывают и подвешивают к балкам потолка. Внизу раскладывают костер, который обильно посыпают перцем. Такого рода наказание очень распространено в Либерии. Оно известно под названием «ставить в кухню» или «на огонь».

При постройке военных барачков обычно набирают женщин «для развлечения солдат». По законам Либерии женщина при рождении ребенка обязана доказать, что отцом ребенка действительно является муж. В данном случае доказать невозможно. И женщины принуждены убивать незаконнорожденных младенцев.

Президент и правительство Либерии помимо личного пользования живыми машинами, экспортируют ценный «товар». Главными потребителями живого товара является испанская колония Фернандо По и Французское Конго—Либревиль.

С 1914 по 1927 год торговля шла открыто, по соглашению с испанским правительством. Рабы расценивались как скот—от головы. С 1928 года торговля продолжается в порядке частного соглашения с либерийским синдикатом, в который входит президент Кинг и его родственники.

Правительство, свободное от честности

Испанское правительство пытается отрицать свою причастность к торговле людьми. Консул в Либерии заявил, что «в испанских колониях рабский труд не применяется, так как работа привезенных из Либерии людей оплачивается. Каждый рабочий получает около 15 р. в месяц. Половина выплачивается ему на месте, а остальное по возвращении на родину». Однако на просьбу членов комиссии показать регистрационную книгу со списками вернувшихся туземцев и документы о выплате им остального жалованья консул ответил: «Испанское правительство—свободное правительство и не нуждается ни в каких записях, а также не обязано никому отдавать отчет в своих действиях».

Во французских владениях, в Либервиле, рабский труд применяется главным образом на лесозаготовках. Непривычная работа, зверское обращение концессионеров (кнут надсмотрщика, голод, болезни) уносят в могилу сотни и тысячи рабов.

Хотя Либерия—независимое государство, вся торговля ее находится в руках белых. В столице Либерии—Монровии раскинули сети торговые фирмы Англии и Америки.

Окончание на стр. 15-й

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В XX ВЕКЕ

Очерк Н. БОЙКО

Караван рабов

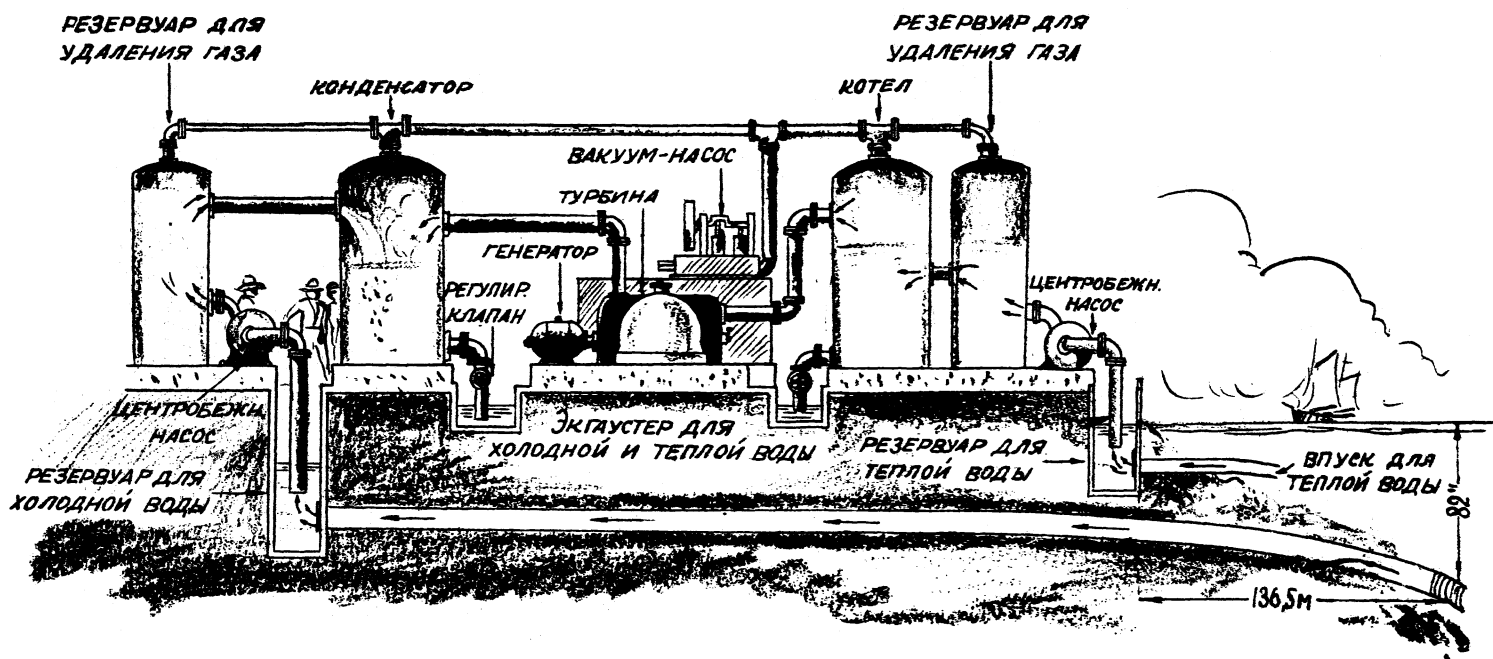
Темная, непроглядная ночь. Жители деревни Сюке спят мирным сном. Но воздух ночи напоен тревогой.

Осторожный стук в двери одного дома, другого. Стук усиливается, темные фигуры смелеют.

Жители в панике бросились к дверям. Послышались заглушенные крики, глухая возня—и через несколько часов лентой

вытянулся по дороге огромный караван из обитателей деревни, связанных по рукам и ногам, под надежной охраной темных фигур, в солдатской форме.

День и ночь гнали пленников без пищи и отдыха на мыс Пальмас. Заперли в сарай. На утро их посетил сам вице-президент Либерии—Янси. Громко, чтобы слышали все, он заявил, что малейшая попытка к бегству повлечет сожжение их деревни. Пленники знали, что это не простая угроза. Несколько лет назад были

ВЗНУЗДАННЫЙ ОКЕАН

В 1924 году в советской прессе появилось сенсационное сообщение об опытах ученых Клода и Бушера, работавших над способами извлечения солнечной энергии, извлекаемой в неисчерпаемом количестве в теплых водах тропических океанов. То, что семь лет назад казалось фантастикой, сейчас становится явью. Наш очерк рассказывает о первой практической попытке «взнуздать океан»...

С каждым годом запасы топлива—нефти, угля, леса—катастрофически уменьшаются. Особенно остро ощущается недостаток топлива в капиталистических странах Европы и Америки. Не раз уже Англия протягивала свою когтистую лапу к бакинским нефтяным промыслам. Но... Советский союз—не Индия, откуда можно безнаказанно выкачивать все, что угодно. А в то же время и Англия и Франция, которая тоже выкачивает топливо из своих колоний, имеют под боком неиссякаемый источник дешевой энергии—океан.

Вверху: разрез установки Жоржа Клода, наглядно объясняющий схему его работы

В течение ряда лет лучшие умы науки Запада занимаются разрешением проблемы использования термической энергии океана. Были попытки использовать энергию, которую дают волны тропических вод, а также разность уровня воды во время прилива и отлива. Однако ни одна из этих попыток не дала реальных результатов.

На днях виднейший французский ученый Жорж Клод, работающий в течение пяти лет на острове Кубе, прислал в

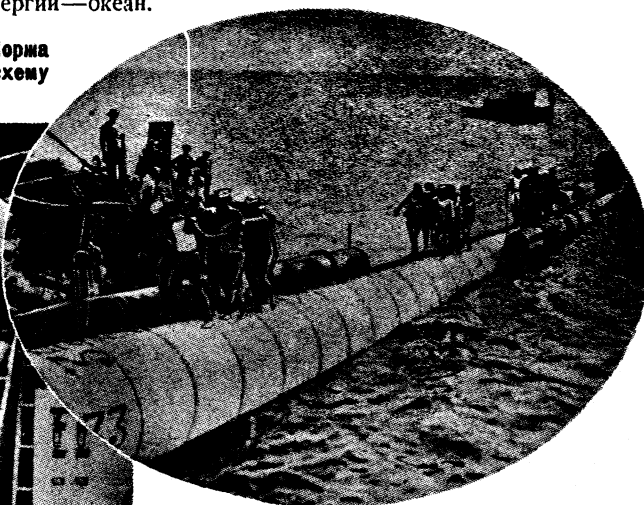
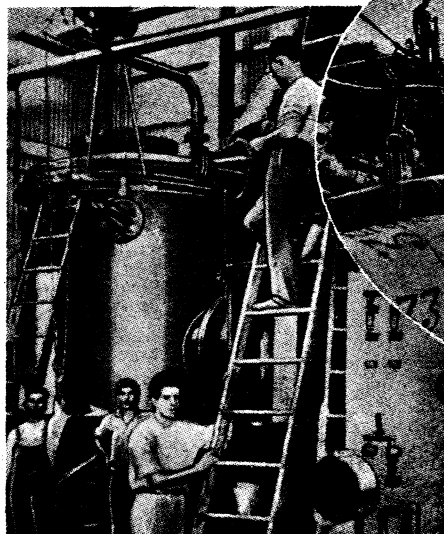
Париж каблогранму следующего содержания:

«Пущена в ход установка для использования термической энергии. Скромные генераторы в 20 киловатт—только прелюдия к мощной силовой установке, которая уже спроектирована».

Жорж Клод нашел то, что ускользало от внимания других ученых. В результате многолетних трудов он понял, что реальным, действительным источником энергии является не океан сам по себе, а солнце, которое излучает огромное количество тепловой энергии. Солнце, нагревая землю, нагревает также и воду. Известно, что земля охлаждается быстрее воды. Каждый пловец знает, что если среди жаркого лета вдруг выпадет 2-3 холодных дня, вода в море все же будет настолько теплой, что можно купаться. Океан является как бы огромной кладовой тепла, излучаемого солнцем. Однако это тепло сосредоточивается только в верхних слоях воды. Таким образом, создается разность температуры верхних слоев океана и более глубоких, где температура почти всегда держится на одном уровне. Естественно, что разность температуры достигает наивысшей точки возле тропиков.

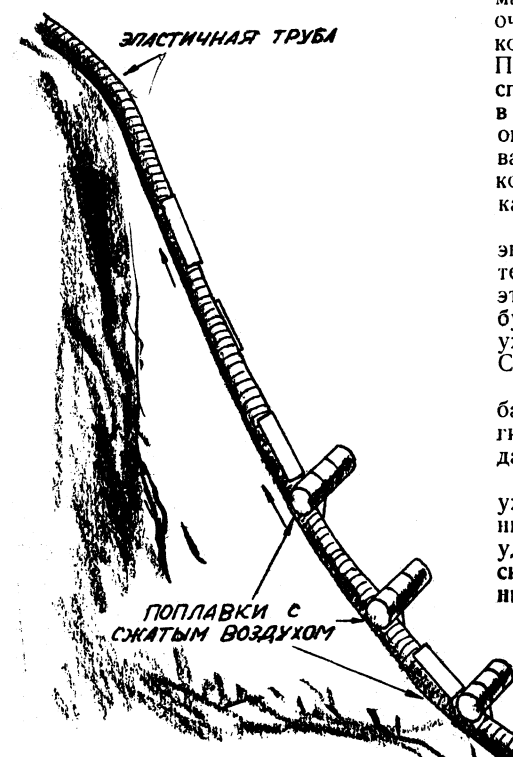
Этим обстоятельством и воспользовался профессор Клод. В Матанзасе, на острове Кубе, он соорудил опытную установку, основанную на принципе разности температуры верхних и нижних слоев воды океана.

Работает установка следующим образом: насос перекачивает верхние, теплые слои воды с температурой в 21°Р, в котел с пониженным давлением, где вода кипит. Полученный пар приводит

Последние работы перед пуском установки. Слева: рабочие заканчивают монтаж приборов, справа: уборка строительных материалов с готовой трубы, опущенной в глубину океана

в движение турбину. Использованный пар идет в конденсатор, где охлаждается и вновь превращается в жидкое состояние, благодаря соединению с холодной водой, доставляемой из глубин океана. Турбина соединена с динамомашиной, которая таким образом превращает термическую энергию в энергию электрическую. Быть может некоторым не совсем ясно, как может кипеть вода при низком давлении. Все знают, что точка кипения воды — 80°Р. Туристы, совершавшие не раз восхождения на горы, знают также, что на высоко-

те двух тысяч метров вода закипает при 72°Р. Объясняется это тем, что на горах атмосферное давление значительно ниже, чем на равнине. Если искусственно уменьшить давление воздуха в достаточной степени, вода закипит даже при комнатной температуре. Клод учел это обстоятельство и присоединил к котлу воздушный насос для выкачивания воздуха. Тогда давление воздуха на воду сводится на нет, и вода, попадая в котел, кипит при своей обычной температуре — 21°Р. Чтобы дать возможность пару привести в движение турбину, надо поддерживать постоянную пустоту. Здесь на помощь приходит конденсатор.

На обязанности конденсатора лежит превращать пар опять в воду. Конденсатор состоит из котла-приемника, через который непрерывно льется холодная вода. Горячий пар, соединяясь с холодной водой, немедленно сгущается и падает каплями на дно конденсатора. Охлаждаясь, пар уменьшается в объеме и следовательно в конденсаторе образуется пустота.

Холодная вода для конденсатора доставляется из глубин океана через специальную трубу, длиной в 2 000 метров. Труба держится в воде благодаря стальным поплавкам. Нижняя часть трубы находится на глубине 650 метров, где температура воды 12°Р. Чтобы труба не была отнесена течением, часть ее, от берега и до глубины в 27 метров, зарыта в цементированный канал и обернута теплонепроницаемым материалом. Таким образом холодная вода, идущая из морских глубин, не нагревается от соприкосновения трубы с верхними теплыми слоями воды.

Для устранения пузырей в котле и конденсаторе, которые появляются вследствие присутствия в морской воде воздуха или других газов, Клод снабдил установку специальными очистителями или дегазирующими колбами. Очистители поставлены на пути между теплой водой и котлом и между холодной водой и конденсатором.

Суммируя все сказанное, получаем следующую картину: теплая вода из моря течет в трубу, откуда насосом поднимается в дегазирующий аппарат. Вода, очистившись от газов, направляется в котел с низким давлением, где кипит. Пар, приводя в движение турбину, вновь сгущается в воду, которая течет обратно в море. Вновь поступающая теплая вода опять кипит, и процесс повторяется снова. Используемая же холодная вода из конденсатора может найти применение в качестве охладителя кладовых.

Эта установка дает электрическую энергию в 20 киловатт. Большая разность температур даст большую энергию. Для этого стоит только глубже опустить трубу в океан. Проф. Клод спроектировал уже новую более мощную установку в Сант-Яго, которая даст 25 000 киловатт.

Опытная установка Клода — только проба, показ, как можно использовать энергию, которая в настоящее время пропадает даром...

Клод прежде всего француз, а потом уже ученый. Все свои научные изыскания он несет Франции. Теперь, после удачного опыта использования термической энергии, Клод в мечтах видит мощные установки во французских африкан-

ских владениях. Эти установки изменят климат Сахары: раскаленный воздух охладится, песчаное море превратится в цветущий сад, заселенный... французами.

Над ультрапатриотическими мечтами Клода можно только посмеяться, изобретение же ученого Клода надо приветствовать. Применение в жизни нового вида энергии открывает новые экономические возможности на основе политического переустройства жизни народов мира.

СРЕДНЕВЕКОВЬЕ В XX ВЕКЕ

Продолжение

На огромном пространстве свыше миллиона гектаров раскинулись богатейшие каучуковые плантации американского акционерного общества, которое постаралось уверить комиссию, что «сознательно» оно не применяло рабского труда.

Епископ и китайские девушки

Отчет комиссии заканчивается заявлением, что рабство фактически существует в 19 политических центрах мира: в Абиссинии, Алжире, Китае, Египте, на Дальнем Востоке, в Геджасе, Куфре, Либерии, Марокко, Ридо де Ора, в восточной и западной Сахаре, в британских, французских и итальянских владениях островов Сомали, в Судане и Южном Триполи. Даже архиепископ Кентерберийский вынужден признать, что в Китае, в самом центре Шанхая, в сфере влияния европейских зон, идет бойкая торговля китайскими девушками.

Комиссия вынесла ряд постановлений. Странам, которые ведут в своих колониях торговлю людьми, предложено «принять срочные меры к ликвидации этого позорящего человечество явления». Что же касается Либерии, Америка берет на себя ликвидацию рабства путем полной реорганизации административного управления республики вплоть до смещения президента и его приспешников.

Таковы прекрасные намерения комиссии. Могуущественной Америке не составит особого труда не только сместить президента «независимой» Либерии, но и облечь государственное управление республики... в наиболее желательные и удобные для американских дельцов формы.

Но отсюда еще чрезвычайно далеко до уничтожения рабства в республике. Взглянем на факты.

«Негры по 25 долларов за штуку»

Официальная информация кричит о том, что Америка собирается заняться ликвидацией рабства в Либерии. В то же время американские капиталисты Латинской Америки и острова Куба в широкой степени применяют не только принудительный труд, но и пользуются фактическими рабами. Такая форма труда принята на огромнейших сахарных и банановых плантациях в районе Караибского моря, Центральной Америки и Колумбии. Здесь работают индейцы, метисы, негры.

Кубинские плантации и в частности «Всеобщая сахарная компания» обычно платят по 25 долларов за каждого негра, доставленного в их распоряжение. Специальные вербовщики набирают негров на острове Гаити и Ямайке. На острове Куба они работают под надежной охраной.

ЕФИМ ХАНТАЗЕЙ

Очерк МАКСА ЗИНГЕРА

Рисунки В. БЕЛЯЕВА

Ненец Ефим Хантазей из Обдорска пришел на Печору, а с Печоры много лет назад попал на Новую Землю. Старейшим колонистом Новой Земли был Ефим Хантазей. Он не знал своих лет, но полагал, загибая пальцы, что ему уже перешло за сто.

Тридцать лет жил Хантазей на Новой Земле—в Незнаемом заливе, в Крестовой, в Кармакулах, где до него не жили люди. Не в деревянном доме, а в чуме, крытом звериными шкурами, жил он со слепой женой, да и сам видел только одним глазом. Он стрелял по медведю, прыгавшему по льдинам у берега, из старого ремингтона. Стреляная гильза выскочила из ружья и вонзилась в правый глаз, которым целился в зверя Ефим Хантазей.

— Я мимоходом его выдернул и бросил к чорту, сам посол чум и месяц беда худо лежал, зверь не промыслил,—так рассказывал Хантазей русским промышленникам о потере своего меткого глаза.

Всю жизнь с малолетства Хантазей шурил левый глаз, отыскивая на мушку убойное место зверя острым правым глазом. Ни один медведь, ни один олень

не уходил от Хантазея. Он стрелял в зверя, если к нему ближе нельзя было подойти, за восемьсот-девятьсот метров, когда виднелись только раскидистые рога оленя, и никогда не привозили собаки своего хозяина без богатого промысла.

С потерей глаза трудная задача встала перед ненцем. Нужно было учиться бить зверя с левого глаза, держать винтовку с левого плеча. Плохо приходилось охотнику, однажды чуть не убил свою собаку. Но прошли месяцы, года—и Хантазей—одноглазый запросто сбивал чайку пулей на лету.

Не торопился ненец стрелять по зверю. Он скорее русского промышленника замечал желтое пятно медведя на белом покрове скал или на голубевших у полыней обломках берегового льда.

— Стреляй, Хантазей!—не раз кричали ненцу промышленники, завидев медведя.

Хантазей спокойно рассматривал в подзорную трубку медведя и не торопился.

— Пойдем повыше, там лучше будет посмотреть, — говорил Хантазей.

Он определял, куда идет зверь, не собирается ли он поплавать в полыне после долгого бродяжничания по льдинам или лечь в торосах выспаться после тяжелого, но сытого дня.

Примечал ненец, откуда ветер дует, и шел к зверю без ошибки, стреляя ему в лоб.

Любил Хантазей рассказывать о своем путешествии пешком по Новой Земле из Архангельской губы в Крестовую.

Трое людей попали в Архангельскую губу: Юдин, Тит Ямзин и Хантазей. Здесь затонуло моторное суденышко промышленников; в трюмах, залитых водой, погибло все продовольствие. Люди жили промыслом. Под весну Ямзин и Хантазей решили идти пешком в Крестовую губу. У Юдина оставалась лодка, упряжка собак, сухари да винтовка с патронами.

На два дня хватало обыкновенно Хантазею рассказывать о том, как он бродил с Ямзиным по глетчерам, как медвежьей шкуру очищали от шерсти, а кожу жарили, когда ничего другого нельзя было добыть. Ненец, рассказывая, воодушевлялся, падал на колени и прицеливался в невидимого зверя, и все слушали Хантазея с затаенным дыханием.

Голодные ненцы вдруг увидели, что на них идут три казака—три огромных медведя.

«Конеч голоду, сколько корма идет сразу», подумали ненцы, Но тут пришла повальня—зыбь,

лед у берега разломало в кашу. Медведи подошли по ледяному полю к битому крошеву и повернули назад от охотников.

Люди поползли снова по тонкой найде—новому льду—на другой берег безвестной реки и вскоре увидели небольшой домишко.

Это была норвежская промысловая избушка. На полу было рассыпано много гороха. Его ненцам хватило до Крестовой губы. Когда Хантазей с Титом Ямзиным пришли домой, то на радостях послали Санку Вылку в Поморскую губу сообщить, что они живы, здоровы и дарят гольца бочку. В Поморскую губу гольца редко заходил. Но Санко до пролива Маточкин Шар не доехал—лед развело весной.

А Юдин вернулся позднее на шлюпке в Поморскую губу.

Любил Ефим ночевать в пещере «Каменный дом». Однажды просыпается и видит: три казака посреди Поморской губы по банке—подводному—камню ходят. Он поехал за ними на лодке, звери перебежали на берег и разбились: двое пошли в одну, а третий в другую сторону. Помчался Ефим на собаках за двумя медведями. Те тоже в разные стороны разбежались. Целый день гонялся Хантазей за медведями и всех приволок к дому. Такой стрелок был Хантазей!

— Адва ж адва догнал третьего казака,—радостно говорил Хантазей.

НА АВТОМОБИЛЕ ПО ЛИВИИ

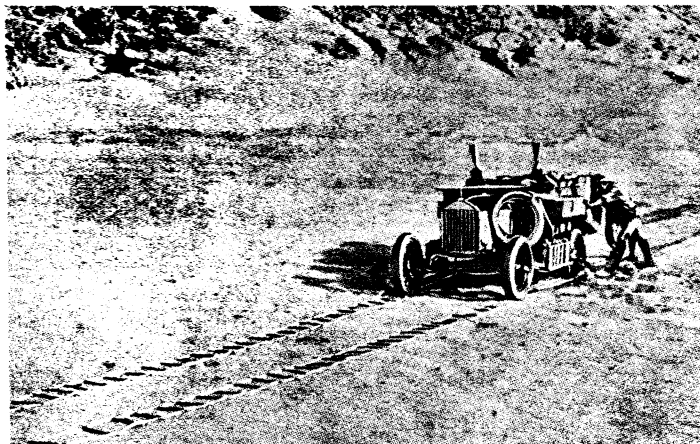
В ноябре прошлого года английская экспедиция под начальством майора Багнольда совершила автомобильный пробег по Ливийской пустыне.

Большая часть Ливийской пустыни лежит ниже уровня моря. Пески ее находятся в беспрепятственном движении, что затрудняет передвижение.

Экспедиция выехала из Каира, взяв направление на запад, к Судану. Путь был трудный. Часто колеса автомобиля зарывались в песок. Приходилось подкладывать стальные рельсы и применять специальную веревочную лестницу.

Экспедиция пересекла пустыню и выбралась на старую караванную дорогу, которая ведет из Куфра в Египет. Груды костей, скелеты верблюдов свидетельствовали о многих трагедиях, которые хранит пустыня.

Первый опыт удался. О целях экспедиции довольно откровенно говорят сами участники. «Нам было дано задание исследовать строение и протяжение песчаных пространств, а также установить возможность связи со старым караванным путем. Удачно закончившаяся экспедиция открывает новые стратегические возможности».

ПО ЗЕМНОМУ ШАРУ

Огненные кристаллы

В заброшенном уголке Южной Африки, в Трансваале, длинной, живой лентой, растянувшейся на три километра, выстроилась очередь. Первое подергивание плеч, нетерпеливое переминание с ноги на ногу, отрывистые выкрики, неестественный блеск глаз—все обличало горячее нетерпение. Глаза всех были устремлены на маленький флаг-сигнал, который открывал путь в драгоценные копи.

Со всех концов мира потянулись сюда фермеры со своими семьями, купцы, промышленники, матросы, искатели приключений. Среди европейцев мелькали глянцево-черные тела кафров-скороходов: их наняли богачи-промышленники, чтобы обеспечить себе лучший участок алмазных копей.

Правительственный чиновник посмотрел на часы. Выстрел из револьвера — сигнальный флаг спущен.

Тысячная толпа дрогнула, бросилась враспылку. Впереди неслись, как борзые кони, скороходы-кафры. Быстро, один за другим, они воткнули значки в лучшие участки копей. Быстрой ног они обогатили миллиардные предприятия, получив за работу жалкие гроши.

Так было положено начало мировым алмазным копиям Трансваала.

Постепенно мелкие собственники разорялись, их участки скупались богатыми. В настоящее время обширные копи находятся в руках нескольких „алмазных королей“.

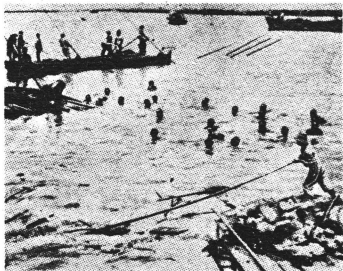

Работа в копиях идет непрерывно круглые сутки. Мощные прожектора, установленные по краям гигантского кратера, дают возможность работать ночью. Драгоценные камни залегают в „голубом пласте“ на дне кратера. Канатные дороги доставляют грунт в промывные станции, находящиеся на поверхности. На станции ручным способом отделяют алмазы от грунта.

Под землей, в копиях, заняты исключительно туземцы. Ежедневно по окончании работ их подвергают унижительной процедуре обыска. Туземцы работают

в копиях голые, но специальные надсмотрщики все же тщательно ощупывают все тело рабочего: не запрятал ли он среди пальцев ног или где-либо в складках тела драгоценный камешек.

Без свежего воздуха, без солнца работают туземцы в копиях по двенадцати и больше часов в сутки. Тяжелые условия труда и недоедание быстро разрушают здоровье рабочих и преждевременно сводят их в могилу.

Люди-драги

Гавань Бенкулена (остров Су-матра) имеет слишком мелкое дно, что затрудняет доступ большим океанским грузовым пароходам. Но район, тяготеющий к Бенкулену, очень богат экспортными товарами: кофе, табаком, перцем, камфарой. В целях увеличения экспорта голландцы решили углубить гавань. Для этого необходимо было снять пласт сланцеватой глины, которая залегает на дне гавани.

Драги и экскаваторы—машины для углубления речного дна—требуют больших материальных затрат. Зачем тратить лишние деньги, когда здесь же, на берегу, имеются дешевые живые машины—малайские кули. Дно гавани предварительно взрывается динамитом. На место взрыва бросаются малайцы-ныряльщики. Они вытаскивают ведрами глину, сваливают ее на бамбуковые плоты, которые парусные суда увозят далеко в открытое море.

Воды гавани кишат акулами. Хотя взрыв динамита убивает одних и разгоняет других, но все же бывают случаи, когда кули попадает на завтрак прожорливому хищнику. Но „гуманное“ голландское правительство не беспокоится: выбывшие люди-драги быстро заменяются новыми.

Малайцу-кули нет выбора, и он идет на всякую работу, лишь бы не умереть от голода.

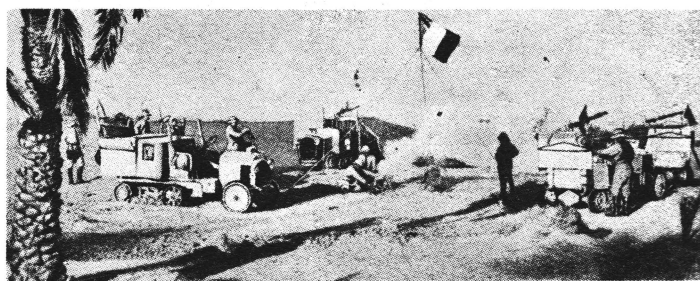
Итоги 1930 американского года

Юридически негры, как и все остальные граждане Северо-американских соединенных штатов, пользуются всеми правами „свободной“ страны. Фактически же дело обстоит не так. Существует огромный перечень неписаных законов, ограничивающих свободу негров. Они не имеют права ездить в общих вагонах, сидеть в партере, пользоваться

общими гостиницами и ресторанами, жить в общих домах, учиться в общих учебных заведениях.

Но самый страшный, самый ужасный неписанный закон—линейвание. Юридически этот варварский пережиток средневековья карается законом, но фактически правительство и местные власти смотрят сквозь пальцы на возмутительные случаи самосуда. Об этом свидетельствуют статистические данные, по которым 1930 год насчитывает зарегистрированных только случаев 25, против 12 в 1929 г.

Возмутительнее всего причины, послужившие поводом к линейванию. В одном случае негр „обидел“ белого тем, что не остановил автомобиль по его приказанию, в другом—негр выступал на суде свидетелем против белого, в третьем—проявил слишком большую политическую активность, в четвертом—поспорил с белым, и только в одном случае из 25 негра линчевали за убийство белого.

Лагерь французской экспедиции, пересекшей Сахару в 1923 году на гусеничных автомобилях

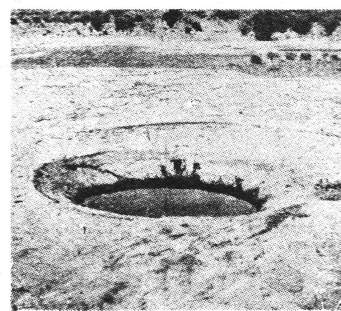
Экспедиция в центр Азии

В марте текущего года группа американских и французских ученых выступает в длительную экспедицию по исследованию Азии. В ней примут участие представители всех отраслей науки: географы, археологи, орнитологи, ботаники, геологи, антропологи, метеорологи, этнографы, и другие.

Уже сейчас предполагаемая экспедиция возбуждает многогласные толки. Живой интерес вызывает способ передвижения экспедиции—она применит так называемые „гусеничные“ грузовики. Каждый грузовик будет снабжен прицепной тележкой-вагоном для жилья.

Из отправного пункта—Сирии, грузовики пройдут в восточном направлении через целый ряд стран: Иран, Персию, Советский Туркестан, Китай, откуда повернут на юг, пересекут французский Индо-Китай, Сиам, Бирму, Индию, Белуджистан и вновь возвратятся в Персию и Аравию.

Экспедиция пройдет много местностей, которые почти не посещались европейцами со времен Марко Поло. Впервые величественные горные кряжи, трудно доступные высокие плато,

„Бутылка“ пустыни

Пустыня Западной Австралии славится редкостным природным феноменом. Это—крохотное озеро около метра в поперечнике, поверхность его представляет как бы горлышко бутылки. В глубину же озеро расширяется и принимает форму настоящей бутылки-великана. В засушливое время года „бутылка“ бывает облеплена птицами и животными пустыни.

обширные пустыни и густые заросли джунглей огласятся шумом моторов. Впервые дикое племя, остатки вымершего народа, увидят страшную „дьявольскую машину“, которая движется сама собой.

Киноаппарат, звуковое кино и фонограф запечатлеют нравы и обычаи местных племен. Фотоаппараты дадут богатейшие цветные снимки, которые пополнятся специальными зарисовками художника-этнографа. Расшифруется много „белых пятен“, еще пестрящих на карте Азии. Метеорология обогатится ценными исследованиями.

Связь с Европой и Америкой экспедиция будет поддерживать через походную передаточную радиостанцию.

Не надо, конечно, закрывать глаза на истинные цели экспедиции. Признание участников экспедиции Багнольда (см. заметку „На автомобиле по Ливии“) достаточно откровенно вскрывает эти цели. Под флагом научных исследований капиталисты проводят военно-географическое исследование местности, наметив важнейшие опорные пункты и пути для кратчайшей и легкой переброски войск.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на 1931 г.

НА ЖУРНАЛЫ:

ШАХМАТНЫЙ ЛИСТОК

ОРГАН ШАШСЕКТОРА ПРИ ВСЕСОЮЗНОМ СФК и ШАШСЕКЦИИ
ВСФК РСФСР

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА:

Освещение вопросов теории и практики шахматного искусства. Углубление и разработка политических директив центральных шахматных организаций.

Анализ событий международной и союзной шахматной жизни. В 1931 году журналом будет уделено особое внимание вопросам самокритики и соцсоревнования.

24 № В ГОД

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На год 5 р. — к.
„ 6 мес. 2 р. 50 к.
„ 3 мес. 1 р. 25 к.
Цена отдельного номера . — 25 к.

ФИЗКУЛЬТУРА и СПОРТ

Ответственный редактор
Д. Б. ЕЩИН

Орган ВСФК СССР и РСФСР

**36 НОМЕРОВ
В ГОД**

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА:

Борьба за генеральную линию партии, популяризация среди рабочих, колхозных и бедняцко-середняцких масс крестьян идеи физкультуры и спорта, мобилизация физкультурной общественности на выполнение пятилетки в кратчайший срок, интернациональное воспитание физкультурников, освещение международного рабочего спортдвижения, разоблачение классовой сущности буржуазного спорта и т. д.

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА:

На год 4 р.
„ 6 мес. 2 р.
„ 3 мес. 1 р.
Цена отдельного номера 15 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: Периодсектором КНИГОЦЕНТРА ОГИЗа (Москва, Центр, Ильинка, 3), во всех магазинах, отделениях и киосках Книгоцентра ОГИЗа и на почте